

B100323

45, 006

А. В. Жиркевичъ.

Сомнительное безпристрастие.

(Запоздавший отвѣтъ Н. А. Энгельгардту—
за покойниковъ).

Цѣна 50 коп.
(безъ пересылки.)

ВИЛЬНА.
Типографія „Русскій Починъ“.
1913.

3100323

Грандъ

Сомнительное безпристрастіе.

(Запоздавший отвѣтъ Н. А. Энгельгардту—
за покойниковъ).

В И Л Ь Н А.
Типографія „Русскій Починъ“.
1913.

Комитетное дело

Книжка № 1

1000

И. И. И. И.
Томск, 1912

Въ сентябрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1911 годъ помѣщена была обширная статья г. Николая Энгельгардта подъ заглавіемъ „Давніе эпизоды“, въ которой авторъ, касаясь смерти П. И. Энгельгардта, разстрѣляннаго въ 1812 году, въ Смоленскѣ, французами, бросаетъ явно-неблаговидную тѣнь на извѣстныхъ историковъ, бытописателей Смоленска С. П. Писарева и И. И. Орловскаго, обвиняя ихъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ умышленномъ, тенденціозномъ искаженіи истины въ печатныхъ трудахъ ихъ, касающихся смерти героя-мученика, а также обстоятельствъ, предшествовавшихъ этой смерти, затронувъ попутно и доброе имя приснопамятнаго героя гор. Смоленска священника Никифора Мурзакевича и сына его священника Іоанна Мурзакевича.

Я хорошо зналъ покойныхъ Писарева и Орловскаго, а съ послѣднимъ былъ даже друженъ, издалъ его біографію, располагаю до сихъ поръ его личнымъ архивомъ, подареннымъ мнѣ его семьею. Кромѣ того, супруга Орловскаго, возмущенная некрасивой выходкой г. Энгельгардта противъ ея покойнаго мужа, съ которымъ онъ былъ близко знакомъ, а также имѣя въ виду, что у нея подрастаютъ дѣти-сироты, которымъ, съ годами, будетъ не все равно, былъ-ли отецъ ихъ человѣкъ порядочный или личность, способная сознательно пасть до грязнаго поступка, — поручила мнѣ возстановить, въ данномъ случаѣ, истину. Полагаю, что и Смолянамъ дорога еще память о Писаревѣ и Орловскомъ. Я хорошо знакомъ съ существующей о казни П. И. Энгельгардта литературой...

Все это, вмѣстѣ взятое, и вынуждаетъ меня за покойниковъ, немогущихъ защищаться, дать печатно отвѣтъ автору вышеупомянутой статьи, пользуясь данными его-же обвинительнаго акта и употребляя по отношенію къ нему рѣзкія выраженія лишь на столько, на сколько самъ онъ это позволилъ себѣ—въ отношеніи приснопамятныхъ Смоленскихъ тружениковъ-писателей.

Настоящее возраженіе, составленное мною сейчасъ-же вслѣдъ за напечатаніемъ упоминаемой статьи, запаздываетъ значительно своимъ появленіемъ въ свѣтъ не по моей винѣ.

Также не по моей винѣ выходитъ оно не на страницахъ „Историческаго Вѣстника“ (гдѣ ему слѣдовало-бы появиться), а отдѣльнымъ изданіемъ.

Конечно, это—прискорбно и для меня, какъ автора его, и для почитателей Смолянъ-историковъ, на честь и литературную

порядочность которых г. Энгельгардтъ пытается набросить неблагоприятно, густую тѣнь: статью его, въ распространенномъ журналѣ, прочла чуть не вся Россія; съ моей-же, настоящей брошюрою ознакомятся лишь немногіе.

Но о моихъ злословіяхъ по редакціямъ съ возраженіемъ я расскажу въ особомъ изслѣдованіи—на столько они интересны, какъ характеристика современныхъ литературныхъ, общественныхъ нравовъ.

Все-таки, по мнѣнію моему, необходимо оставить въ исторической литературѣ хоть какой-либо протестъ относительно слишкомъ развязнаго обращенія г. Энгельгардта съ историческими фактами и чужими репутаціями.

Выступая съ настоящей статьею, я и дѣлаю то, что могу въ данныхъ обстоятельствахъ...

Итакъ, приступаю къ детальному разбору вышеупомянутой статьи „Давніе эпизоды“.

Г. Энгельгардтъ приводитъ, на примѣръ, слѣдующее мѣсто изъ статьи Орловскаго „Священникъ Н. А. Мурзакевичъ, обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 году“ („Русская Старина“ 1903 г. май):

„Присутствовавшій при этомъ *) польскій полковникъ Костенецкій, вынувъ изъ-за пазухи полбутылки водки, предложилъ Энгельгардту выпить; когда-же тотъ отказался, Костенецкій насильно влилъ ему въ ротъ нѣсколько глотковъ. Неѣвшій ничего около двухъ дней Энгельгардтъ отъ этого, замѣтно, охмѣлѣлъ“...

Авторъ „Давнихъ эпизодовъ“ спрашиваетъ:

„Зачѣмъ провинціальному „исторіеграфу“ (Орловскому) понадобилась эта „полбутылка водки“, появляющаяся именно „изъ за пазухи“?—„Откуда-же беретъ И. И. Орловскій послѣднее выраженіе?“ (т. е. что П. И. Энгельгардтъ, выпивъ водки, „сильно охмѣлѣлъ?“)—„Откуда въ описаніи г. Орловскаго вкралась отвратительная сцена вливанія въ ротъ насильно русскому подполковнику водки? Самое указаніе, что Костенецкій вынулъ водку изъ-за пазухи, откуда?“—„Спрашивается, зачѣмъ провинціальному „исторіеграфу“ понадобилась эта „полбутылка водки“, именно „изъ-за пазухи“?—„Зачѣмъ нужна была странная и даже отвратительная картина вливанія идущему на казнь Энгельгардту „наильно въ ротъ“, очевидно, прямо изъ горлышка этой „полбутылки“?—„Какъ совершенно было это насиліе? Солдаты держали что-ли Энгельгардта, а полковникъ Костенецкій вливалъ?“—„Очевидно прямо изъ горлышка этой „полбутылки“?

*) Повѣствованіе идетъ о сценѣ, имѣвшей мѣсто въ Спасской церкви города Смоленска, передъ тѣмъ, какъ П. И. Энгельгардта повели на казнь.

И, затѣмъ, самъ-же, указавъ въ другомъ мѣстѣ статьи, что Орловскій повторилъ лишь, въ данномъ случаѣ, рассказъ Писарева, помѣщенный въ трудѣ послѣдняго „Памятная книга гор. Смоленска“. (Смоленскъ, 1898 г.), а Писаревъ, въ свою очередь, привелъ цѣликомъ мѣсто изъ неизданныхъ воспоминаній очевидца казни, священника Іоанна Мурзакевича, такъ, что оба писателя—и Писаревъ, и Орловскій—въ сущности, ничего лично отъ себя не сообщили, Энгельгардтъ, тѣмъ не менѣе, бросаетъ по ихъ адресу нижеслѣдующія, тяжкія обвиненія.

„Очевидно“, говоритъ онъ: „вся эта гаденькая инсинуація провинціальнаго „исторіеграфа“ (Орловскаго) пущена имъ для того, чтобы намеркнуть, что Энгельгардтъ шелъ на казнь „замѣтно охмѣлѣвъ“.

И тутъ же объясняетъ такъ поступокъ Писарева и Орловскаго:

„Но И. И. Орловскій, въ другихъ своихъ историческихъ работахъ, столь точный и добросовѣстный, въ отношеніи П. И. Энгельгардта, поддается гипнозу „либеральной“ редакціи С. И. Писарева и со своей стороны старается запачкать память героя, ибо онъ былъ-де „крѣпостникъ“, а, главное, дворянинъ... Увы, это объясняется просто той сословной ненавистью, которою пылаютъ наши духовные къ дворянамъ, хотя сами весьма легко выслуживаютъ и получаютъ это самое, ненавистное имъ, дворянство. Какъ воспитанники духовной семинаріи и іерейскіе сыновья, и Писаревъ, и Орловскій, наши Смоленскіе исторіеграфы, проходя мимо подвига, совершеннаго дворяниномъ, не могли удержатъ тайнаго недоброжелательства, и съ ихъ перьевъ слилось нѣсколько грязныхъ капель, которыя, однако, кладутъ пятно не на свѣтлую, непомеркаемую память героя, но на ихъ собственную литературную репутацію“.

Въ другомъ мѣстѣ, г. Энгельгардтъ,—коснувшись освѣщенія Писаревымъ и Орловскимъ событій, предшествовавшихъ казни П. И. Энгельгардта, разсуждаетъ:

„Но г. Писареву желалось создать новую „либеральную“ редакцію исторіи смерти Энгельгардта, по которой онъ является мстительнымъ тираномъ-крѣпостникомъ, на котораго возстали собственные крестьяне, жаждавшіе свободы, которыхъ онъ, „занимаясь сельскимъ хозяйствомъ“, въ краѣ, наполненномъ неприятелемъ, принуждалъ къ барщинѣ при помощи экзекуцій, являвшихся, будто-бы, спеціальностью платовскихъ казаковъ. Получилось нѣчто весьма пикантное. Энгельгардтъ въ сущности былъ разстрѣлянъ за крѣпостничество, палъ жертвой преданности своимъ помѣщичьимъ правамъ“.

„Въ свою очередь и Орловскій ввелъ особую черточку въ описаніе послѣднихъ минутъ Смоленскаго героя, которая подвергаетъ сомнѣнію самую твердость и безстрашіе его передъ палачами. Именно, онъ намекаетъ, что Павелъ Ивановичъ, въ моментъ казни, былъ... пьянъ“.

Затѣмъ, помѣщена буквально выписка, сдѣланная Орловскимъ изъ мемуаровъ священника Іоанна Мурзакевича, указывающая на источникъ, изъ котораго черпалъ Орловскій.

„Память героя“, увѣряетъ авторъ статьи: „уже не разъ *пытались тронуть помазкомъ легкой клеветы*. Долженъ сказать, что исторіеграфы Смоленска, и Орловскій, и Писаревъ, въ этомъ отношеніи *нѣсколько погрѣшили*. Видно у нихъ желаніе сказать что-то противъ установившагося мнѣнія, основываясь на ложныхъ показаніяхъ и безъ всякой ихъ критической провѣрки. Особенно странно это видѣть у И. И. Орловскаго, въ его статьѣ о священникѣ Мурзакевичѣ“.

Тѣмъ не менѣе, приведа въ выписку изъ воспоминаній священника Іоанна Мурзакевича г. Энгельгардтъ сознается:

„Въ этомъ разсказѣ мы находимъ ту черту, которая послужила для Смоленскихъ археологовъ-исторіеграфовъ, Писарева, а за нимъ Орловскаго, къ составленію такой редакціи осужденія и смерти Павла Ивановича, которая ослабляетъ впечатлѣніе величія его личности и *пачкаетъ его память легкимъ налетомъ оклеветанія*“.

Разберемся-же въ томъ, что написалъ г. Энгельгардтъ — однофамилецъ въ статьѣ, предназначенной для широкаго круга читателей, которымъ, въ виду отсутствія возможности изучить подлинныя документы, приходится поневолѣ вѣрить автору на слово.

Отмѣтимъ прежде всего ту легкость, чтобы не выразиться сильнѣе, обращенія послѣдняго съ чужими документами, которую онъ себѣ позволяетъ, такъ какъ та-же черта будетъ не разъ еще указана нами при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи его обвинительнаго акта, т. е. статьи „Давніе эпизоды“.

Напримѣръ, многое по части описаній событій, имѣвшихъ мѣсто въ Смоленскѣ и Смоленской губерніи въ 1812 году, цѣликомъ взято имъ, для его изслѣдованія, изъ труда Писарева „Памятная книга г. Смоленска“ 1898 г., т. е. изъ того-же автора, котораго онъ смѣшиваетъ съ грязью, какъ историка и писателя. Однако, г. Энгельгардтъ не считаетъ нужнымъ, при этомъ, хотя-бы изъ чувства обще-принятаго литературнаго приличія, сослаться на источникъ.

Слѣпое, безъ должнаго „историко-критическаго анализа“, заимствованіе у „іерейскаго сына“, клеветника и инсинуатора, привело г. Энгельгардта къ ошибкамъ, для него прямо непростительнымъ.

Такъ, позаимствовавъ у Писарева изъ упоминаемаго нами труда его, слово въ слово, біографическія данныя о Павлѣ Ивановичѣ Энгельгардтѣ, авторъ „Давнихъ эпизодовъ“ повторяетъ и грубую ошибку Писарева, назвавшаго двоюродную сестру Павла Ивановича Александру Васильевну Браницкую „княгиней“.

Если Писареву, „поповичу“, простительно было не знать, что существуетъ родъ графовъ Браницкихъ, а не князей; то не знать этого родственнику Браницкихъ, мнящему себя аристократомъ, стыдно!...

Ему слѣдовало-бы заглянуть хотя-бы въ „Россійскую родословную книгу“, изданную въ 1856 году княземъ Петромъ Долгорукимъ (часть III), чтобы убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, такъ какъ тамъ указано происхожденіе графовъ Браницкихъ и, между прочимъ, упомянуто, что упоминаемая Александра Васильевна, урожденная Энгельгардтъ, родная племянница Потемкина, была замужемъ за *графомъ* Ксаверіемъ Петровичемъ Браницкимъ, бывшимъ короннымъ великимъ гетманомъ и кавалеромъ Бѣлаго Орла, а впоследствии россійскимъ генераломъ отъ-инфантеріи и кавалеромъ Св. Андрея Первозваннаго.

Г. Энгельгардтъ повторяетъ, снова безъ ссылки на источникъ, то, что говоритъ Писаревъ въ упоминаемомъ трудѣ его о мѣстѣ рожденія Павла Ивановича, заявляя, что послѣдній родился „въ имѣніи Мосолово, близъ села Богородицкаго, въ 8-ми верстахъ отъ Смоленска“.

Но у Орловскаго, въ его „Краткой географіи Смоленской губерніи (1908 г.)“, сказано, что П. И. Энгельгардтъ родился въ селѣ Дягилевѣ, Духовщинскаго уѣзда, Смоленской губерніи.

Мы не будемъ подробно разбирать того, невѣрнаго, что, вслѣдъ за Писаревымъ, смѣло повторяетъ г. Энгельгардтъ о сраженіи съ французами, 5-го августа подъ Смоленскомъ...

Кстати замѣтить, что, пользуясь трудами Писарева, г. Энгельгардтъ зоветъ его С. И., тогда какъ отчество покойнаго Смоленскаго историка было „Петровичъ“.

Конечно, не стоило-бы подчеркивать подобные грѣхи автора „Давнихъ эпизодовъ“, если-бы самъ онъ не старался въ тѣхъ-же недостаткахъ изобличать другихъ.

Гораздо, однако, возмутительнѣе произвольное искаженіе имъ смысла документовъ, которыми онъ пользуется, приписываніе почтеннымъ Смоленскимъ изслѣдователямъ старины того, чего они и въ помыслахъ своихъ никогда не имѣли.

Ничего того, что, напримѣръ, приписалъ онъ Писареву въ выше—приведенномъ нами обвиненіи по вопросу объ обстоятельствахъ, повлекшихъ за собою смерть П. И. Энгельгардта, на самомъ дѣлѣ у Писарева нѣтъ, и вся трескучая тирада автора „Давнихъ эпизодовъ“ о какомъ-то предосудительномъ желаніи Писарева создать „либеральную редакцію исторіи смерти Энгельгардта“, о стремленіи его изобразить П. И. Энгельгардта тираномъ-крѣпостникомъ, о Платовскихъ казакахъ, изображенныхъ Писаревымъ, какъ специалистовъ экзекуцій, о томъ, что Писаревъ выдумалъ, будто-бы, что казненный палъ жертвой преданности крѣпостному праву и т. п.,—въ изслѣдованіи Писарева не находится. Это—личный выводъ самого г. Энгель-

гардта.—выводъ, который, поэтому, долженъ пасть тяжелымъ камнемъ на литературную его совѣсть.

Все это, однако, находится въ воспоминаніяхъ священника Іоанна Мурзакевича, нынѣ, къ юбилею 1812 года, полностью опубликованныхъ.

Отъ этихъ общихъ соображеній перейдемъ, къ деталямъ, чтобы не быть голословнымъ и не показаться придиричивымъ.

Съ удивительнымъ пристрастіемъ г. Энгельгардтъ, въ сущности, самый пустой, упоминаемый Мурзакевичами—отцомъ и сыномъ, Писаревымъ и Орловскимъ, эпизодъ—съ выпитой передъ казною предкомъ или однофамильцемъ его, Павломъ Ивановичемъ, водкою—раздуваетъ въ событіе огромной важности.

И какъ еще раздуваетъ!...

Полюбуйтесь...

У свящ. Іоанна Мурзакевича сказано, въ его воспоминаніяхъ, что Пав. Ив. Энгельгардтъ, выпивъ, въ мѣстѣ его заточенія, водки, влитой ему въ ротъ насильно Костенецкимъ, „замѣтно охмѣлѣлъ“ отъ этого.

То-же самое, за нимъ, буквально, повторяетъ и Орловскій. Оба бытописателя упоминаютъ объ этомъ вскользь, видимо не придавая подобному обстоятельству значенія и не лишая подвига П. И. Энгельгардта присущаго ему героизма.

Но у г. Энгельгардта эта фраза „замѣтно охмѣлѣвъ“, въ его „Давнихъ эпизодахъ“, обращается сперва въ „сильно охмѣлѣвъ“, а, затѣмъ, и въ повѣствованіе о томъ, что П. И. Энгельгардтъ „въ моментъ казни былъ пьянъ“, при чемъ онъ увѣряетъ, что, будто-бы, такъ именно говоритъ П. И. Орловскій.

Смѣемъ увѣрить, что ничего подобнаго покойный Иванъ Ивановичъ не печаталъ, не говоря уже о томъ, что понятіе „замѣтно охмѣлѣть“ неоднозначуще съ понятіемъ „охмѣлѣть сильно“, а, тѣмъ болѣе, съ состояніемъ полнаго опьяненія, и примемъ во вниманіе, что рассказанное Орловскимъ, съ чужихъ словъ, объ „охмѣлѣніи“ Энгельгардта относилось къ тому времени, когда осужденный на казнь находился еще въ заточеніи, а не къ самому моменту его казни; что между обоими этими событіями—пріемомъ водки и казною—прошелъ, быть можетъ, довольно значительный промежутокъ времени и, потому, на мѣстѣ казни, въ виду близкой, неминуемой смерти, хмѣль могъ и пройти у П. И. Энгельгардта совершенно.

Конечно, подобная игра г. Энгельгардтомъ чужими словами—пустяки въ сравненіи съ тѣмъ освѣщеніемъ, которое позволяетъ онъ себѣ дѣлать по отношенію къ литературной совѣсти Писарева и Орловскаго, обвиняя ихъ въ сознательной, тенденціозной клеветѣ, въ инсинуаціи, хотя и „легкихъ“, но все-же бросающихъ густую тѣнь на ихъ литературную и иную порядочность.

Итакъ, приступаемъ къ деталямъ, начавъ съ казни П. И. Энгельгардта.

Изъ статьи его потомка, или однофамильца, какъ мы это уже и указали, видно, что Писаревъ и Орловскій только повторили рассказъ свящ. Іоанна Мурзакевича, не прибавивъ къ нему ни одного слова, не позволивъ себѣ сдѣлать изъ него какихъ-либо оскорбительныхъ для памяти П. И. Энгельгардта выводовъ или сопровождать отъ себя чужое повѣствованіе предосудительными комментаріями.

И это буквальное повтореніе чужого рассказа, по мнѣнію г. Энгельгардта, является клеветой, инсинуаціей, да еще „гаденькими“?!...

Не справедливѣе-ли было бы, съ его стороны, усумнившись въ правдивости показанія свящ. Іоанна Мурзакевича, обвинить Писарева и Орловскаго лишь въ неосторожной ссылкѣ на воспоминанія, безъ критической ихъ провѣрки?...

Понимаетъ-ли онъ, г. Энгельгардтъ, ужасное, позорящее значеніе употребляемыхъ имъ печатно выражений—клевета, инсинуація, даже въ обще-принятомъ, житейскомъ, не—юридическомъ смыслѣ?...

Если кто-либо пожелалъ-бы слѣдовать за авторомъ статьи въ двусмысленныхъ приемахъ борьбы, имъ самимъ употребляемыхъ, то развѣ не могъ-бы онъ, съ такимъ-же сомнительнымъ успѣхомъ, сказать, что г. Энгельгардтъ клеветаетъ, инсинуируетъ на Писарева и Орловскаго, какъ родовитый дворянинъ на поповичей, по чувству врожденной, яко-бы, во всѣхъ дворянахъ ненависти къ духовному сословію, выносимой ими еще изъ семействъ, со школьной скамьи и т. п.?!...

Видимо, сознавая, однако, что подобная аргументація не выдерживаетъ самой снисходительной критики, что иной читатель, пожалуй, замѣтитъ фальшь подобнаго „историко-критическаго анализа“, авторъ статьи спѣшитъ очернить первоисточникъ, на который Писаревъ и Орловскій ссылаются, т. е. самое показаніе протоіерея Іоанна Мурзакевича.

И тутъ, по крайней мѣрѣ, мы видимъ логичность его поступка.

По мнѣнію автора, показаніе это не заслуживаетъ никакого довѣрія, такъ какъ оно, яко-бы: 1) опровергается официальными данными; 2) не согласуется съ заявленіями другого очевидца событій—отца автора воспоминаній—священника Никифора Мурзакевича, и 3) является отчасти результатомъ „абберации памяти“ автора воспоминаній, какъ бывшаго при казни ребенкомъ, недававшимъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходило тогда передъ его глазами, а, затѣмъ, съ годами, все перевернувшимъ...

Будемъ-же слѣдовать за авторомъ, въ порядкѣ приводимыхъ имъ доказательствъ...

Г. Энгельгардтъ, чтобы не оказаться голословнымъ, приводитъ ссылки на донесеніе сенатора Каверина графу Аракчееву (отъ 16 іюля 1813 года № 1925), затѣмъ, ссылается на сочиненія историковъ Отечественной войны, Богдановича и Михайловскаго-Данилевскаго, положившихъ, по его словамъ, въ основаніе своихъ изслѣдованій официальные документы, а также на одно изъ послѣднихъ сочиненій о компаніи 1812 года, изданное генераломъ Шильдеромъ, именно на его „Исторію царствованія Императора Александра I-го.“

Прежде всего, въ качествѣ давно занимающагося историческими изслѣдованіями, мы отлично знаемъ, насколько неполны, а подчасъ и ошибочны, труды первыхъ двухъ писателей; генераль-же Шильдеръ не внесъ въ сочиненіе свое, по отношенію къ казни Энгельгардта, ничего новаго, упомянувъ о ней лишь вскользь.

У насъ, въ то-же время, въ рукахъ было дѣло Смоленскаго Губернатора о собираніи свѣдѣній по Смоленской губерніи для сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго „Описаніе Отечественной войны 1812 года“, почему мы имѣли возможность убѣдиться въ томъ, какъ эти свѣдѣнія небрежно собирались уѣздными властями и что именно сообщалось въ Смоленскъ, лишь бы отдѣлаться отъ сложнаго, непріятнаго порученія.

Всякому, трудившемуся надъ описаніемъ историческихъ событій прошлаго, кромѣ того, по опыту, извѣстно, на сколько вообще осторожно надо относиться къ официальнымъ донесеніямъ, которыя постоянно приходится ставить, такъ сказать, на „очную ставку“ съ показаніями очевидцевъ, съ частными документами, при чемъ нерѣдко правда оказывается на сторонѣ послѣднихъ. И, зачастую, напримѣръ, мнѣ, въ моихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, приходилось отбрасывать данныя, собранныя полиціей, а вмѣсто нихъ опираться на свидѣтельскія показанія, согласовавшіяся съ матеріалами иного рода.

Вотъ почему, и въ данномъ случаѣ, говоря о казни П. И. Энгельгардта, нельзя полагаться только на источники, исходящіе отъ штабовъ и канцелярій, а необходимо освѣтить ихъ заявленіями очевидцевъ, тѣмъ болѣе, что у насъ на лицо имѣются ничѣмъ неопороченныя, подробныя показанія священниковъ Мурзакевичей—отца и сына *), единственныхъ пока очевидцевъ казни П. И. Энгельгардта, оставившихъ о ней на бумагѣ, для потомства, слѣды.

*) Священникъ Никифоръ Мурзакевичъ—старшее духовное лицо, оставшееся въ Смоленскѣ послѣ отступленія рус. арміи, былъ судимъ послѣ войны за то, что при проздѣ Наполеона подаль ему просфору на Соборной горѣ. Его сынъ, Іоаннъ бывшій въ 1812 году мальчикомъ 12 лѣтъ, служилъ впослѣдствіи полковымъ священникомъ въ г. Ригѣ и погребенъ въ Смоленскѣ, въ „Окопѣ“, въ санѣ протоіерея.

Насколько надо осторожно довѣряться, напримѣръ, въ частности, труду Михайловскаго-Данилевскаго, видно хотя-бы изъ записокъ дѣда моего, генерала Ив. Степ. Жиркевича, печатавшихся въ „Русской Старинѣ“ за 1874—1890 годы, гдѣ авторъ (книжка за мартъ 1874 г.), какъ лично присутствовавшій при знаменитой бесѣдѣ фельдмаршала Кутузова подъ г. Краснымъ со свитою и другими окружающими лицами, прямо избличаетъ Михайловскаго-Данилевскаго въ томъ, что тотъ, избражая эту историческую сцену, воспользовался не вполне вѣрнымъ рассказомъ одного молодого гвардейскаго офицера; при чемъ дѣдъ мой приводитъ совсѣмъ другую варіацію бесѣды, къ слову сказать, никѣмъ неприводимую, почему-то, въ историческихъ изслѣдованіяхъ.

Вновь открываемые, въ послѣднее время, документы уже избличили отчасти фальшь официальныхъ описаній, а минувшій юбилей Отечественной войны, вливъ въ исторію послѣдней новый, живой матеріалъ—показаніями очевидцевъ и документами частныхъ, иностранныхъ, до сего неиспользованныхъ, архивовъ, несомнѣнно пошатнулъ многое, на-слово, на вѣру, считавшееся до сихъ поръ безусловно точнымъ „по Михайловскому-Данилевскому“, „по Богдановичу“.

Знатокъ 1812 года, покойный генералъ В. И. Харкевичъ не разъ предупреждалъ меня на счетъ осторожнаго отношенія къ этимъ двумъ историкамъ, особенно къ „Богдановичу“, будучи, какъ я въ томъ убѣдился, совершенно правъ.

И несомнѣнно, что эти труды, долго служившіе первоисточникомъ почти для всѣхъ, занимавшихся эпохою войны 1812 года, скоро займутъ въ библіотекахъ лишь положеніе давно отслужившихъ свой вѣкъ „реликвій“ подобнаго рода литературы...

Обращаясь, послѣ сказаннаго, въ частности, къ эпизоду съ казнью Смоленскаго героя-мученика П. И. Энгельгардта, мы видимъ, что и Богдановичъ, и Михайловскій-Данилевскій, касаясь этой казни, несомнѣнно пользовались однимъ и тѣмъ-же официальнымъ донесеніемъ сенатора Каверина, какъ несомнѣнно и то, что это донесеніе, основанное на непровѣренныхъ свѣдѣніяхъ или слухахъ, повело ихъ на ложный путь, увлекши туда-же и г. Энгельгардта-потомка.

Остановимся нѣсколько долѣе хоть на слѣдующемъ эпизодѣ послѣднихъ минутъ жизни П. И. Энгельгардта, пользуясь выписками изъ сочиненій выше упомянутыхъ историковъ, сдѣланными авторомъ „Давнихъ эпизодовъ“.

Авторъ статьи приводитъ выписку изъ Михайловскаго-Данилевскаго:

„Французы медлили исполненіемъ казни, склоняя ихъ (Энгельгардта и Шубина) вступить въ свою службу, но безуспѣшно. Выведенный на мѣсто казни, Энгельгардтъ не дозволилъ

завязать себѣ глаза. Французы *сперва прострѣлили ему ногу* и вновь старались поколебать его вѣрность (донесеніе сенатора Каверина графу Аракчееву отъ 19 іюля 1813 г. № 1925), обѣщая залѣчить рану въ случаѣ согласія на ихъ предложеніе. Энгельгардтъ остался непреклоненъ и палъ подъ непріятельскими пулями“.

То-же—о предварительной ранѣ въ ногу говоритъ и Богдановичъ.

Такъ эта варварская рана въ ногу, будто-бы, сдѣланная передъ смертельнымъ залпомъ въ П. И. Энгельгардта, и перешла въ потомство, хотя въ ней, очевидно, сомнѣвается уже, напримѣръ, генералъ Шильдеръ, въ своей исторіи Александра I-го, упоминающій о казни П. И. Энгельгардта, даже о подробностяхъ этой казни, но о ранѣ въ ногу совершенно умалчивающій..

Съ выходомъ въ свѣтъ, въ 1812 году, Сборника „Смоленская Старина“ (Выпускъ 2-й)—юбилейное изданіе Смоленской Ученой Архивной Комиссіи, гдѣ впервые оглашено „дѣло о назначеніи пенсіи семействамъ г.г. Энгельгардта и Шубина, разстрѣлянныхъ французами“, мы имѣемъ возможность ознакомиться съ донесеніемъ Каверина № 1925 и съ другими документами, небывшими въ рукахъ Орловскаго и Писарева.

Дѣйствительно, въ упоминаемомъ донесеніи, основанномъ, въ свою очередь, на отвѣтѣ Смоленскаго губернскаго предводителя дворянства Лесли сенатору Каверину (отъ 4 іюля 1813 г., № 446), говорится о прострѣленной ногѣ, но съ глухимъ, неопредѣленнымъ упоминаніемъ на источники, столь авторитетные, которые давали-бы право утверждать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ фактомъ, а не съ легендою.

Изъ опубликованныхъ нынѣ документовъ дѣла знаменательно то, что, на первоначальный запросъ объ обстановкѣ смерти Энгельгардта, Порѣчскій предводитель дворянства Баранцевъ, 2 февраля 1813 года, донося о смерти помѣщика этого уѣзда П. И. Энгельгардта и ссылаясь на показаніе очевидца казни священника Никифора Мурзакевича, описавъ подробно казнь и поведеніе казненнаго, ни слова не упоминаетъ о „прострѣленной ногѣ“.

Сенаторъ Каверинъ, сносясь съ губернскимъ предводителемъ дворянства Лесли по вопросу о сооруженіи Смоленскимъ дворянствомъ памятника разстрѣлянному Энгельгардту, 4 марта 1813 г. за № 990, пишетъ о томъ, что именно изъ геройскаго поведенія казненнаго на мѣстѣ разстрѣла должно быть увѣковѣчено на монументѣ, и ни слова не упоминаетъ о прострѣленной ногѣ.

Ничего подобнаго нѣтъ и въ отвѣтѣ Смоленскаго губернатора Аша сенатору Каверину (25 мая 1813 г. № 7049).

Прострѣленная предварительно французами нога впервые появляется на сцену послѣ того, какъ, подъ усиленнымъ давленіемъ

ніемъ гр. Аракчеева, со ссылкой на Высочайшую волю, является необходимость изобразить подвигъ П. И. Энгельгардта въ возможно геройскомъ освѣщеніи.

Между тѣмъ, показанія очевидцевъ событія, бывшихъ на мѣстѣ казни, столь детально, съ несомнѣннымъ состраданіемъ къ казненному, описывающихъ каждое слово, каждый жестъ разстрѣливаемаго—священниковъ Мурзакевичей—ни слова о подобной ранѣ не говорятъ.

Священникъ Никифоръ Мурзакевичъ (отецъ), которому безусловно, въ описаніяхъ его, вѣритъ даже и авторъ статьи „Давніе эпизоды“, подробно рассказавъ, въ письмѣ ко вдовѣ казненнаго, все, что говорилъ и дѣлалъ, на мѣстѣ казни, мужъ ея, не упоминаетъ о какой-либо ранѣ въ ногу, яко-бы предварительно нанесенной казнимому французами, а, изображая послѣдовательный ходъ того, что происходило во время разстрѣла, передаетъ, что послѣ приказанія Энгельгардта—стрѣлять въ него, раздался залпъ изъ 18-ти ружей, отъ котораго, раненый тремя пулями въ грудь и въ животъ, Павелъ Ивановичъ упалъ сперва на правое колѣно, потомъ навзничъ и началъ кончаться. Видя его страданія, одинъ изъ французскихъ солдатъ покончилъ съ нимъ выстрѣломъ въ високъ.

Сынъ Никифора Мурзакевича, свящ. Іоаннъ Мурзакевичъ, въ воспоминаніяхъ своихъ о казни Энгельгардта, какъ-бы дополняющій рассказъ отца новыми подробностями, тоже не рассказываетъ о какой-либо предварительной ранѣ, связанной съ предложеніемъ французамъ на мѣстѣ казни, хотѣвшихъ яко-бы, поколебать вѣрность Энгельгардта и насильно заставить его перейти на сторону ихъ, враговъ отечества.

Нельзя сомнѣваться, однако, что имѣй мѣсто подобный фактъ на самомъ дѣлѣ, то оба очевидца, слѣдившіе съ ужасомъ и сочувствіемъ къ страдальцу—соотечественнику за всѣми подробностями совершавшейся на глазахъ ихъ казни, не преминули-бы, конечно, о томъ занести въ документы, ими написанные, какъ о самой яркой, новой, незабываемой чертѣ геройства разстрѣливаемаго и жестокости непріятели.

Въ упоминаемомъ выпускѣ № 2 „Смоленской Старини“ (стр. 124) приведена выписка изъ дневника А. А. Лесли, который, со словъ родственницы своей А. А. Брезгуновой, тоже бывшей, по словамъ ея, при казни П. И. Энгельгардта, „въ числѣ собравшихся во множествѣ“, рассказывая подробности казни, ни слова ни говоритъ о предварительномъ выстрѣлѣ въ ногу.

Въ виду всѣхъ этихъ заявленій очевидцевъ, надо, на мой взглядъ, если не совершенно отбросить это обстоятельство, то оставить его, во всякомъ случаѣ, подъ сильнымъ сомнѣніемъ...

Нельзя, въ то же время, забывать и того обстоятельства, что сенаторъ Каверинъ составлялъ свой рапортъ гр. Аракчееву

въ июль 1813 года, а казнь Энгельгардта имѣла мѣсто въ октябрѣ 1812 года т. е. послѣ событія этой послѣдней прошло 9 мѣсяцевъ, когда многое могло позабыться среди подобныхъ же ужасовъ недавняго прошлаго, а кое-что и облечься въ легенды, слухи, неизвѣстно отъ кого исходящія...

Косвеннымъ подтвержденіемъ тому, что эпизодъ съ нанесеніемъ Энгельгардту предварительной раны въ ногу не имѣлъ мѣста, могутъ служить и два изображенія казни Павла Ивановича Энгельгардта,—изображенія, на которыя ссылается г. Н. Энгельгардтъ, а именно гравюра Гессе, по рисунку Иванова, приложенная къ сочиненію Шильдера объ Императорѣ Александрѣ I и „французская литографія“, яко бы, по словамъ Энгельгардта, находящаяся въ Смоленскомъ музеѣ (говоримъ „яко-бы“, такъ какъ въ этомъ музеѣ подобной гравюры нѣтъ, а имѣется, или имѣлась, лишь фотографія съ нея, снятая и пожертвованная въ музей И. И. Орловскимъ).

На обоихъ изображеніяхъ разстрѣливаемый П. И. Энгельгардтъ представленъ въ тотъ послѣдній, роковой моментъ его жизни, когда французскіе солдаты, выстроившись въ рядъ прицѣлились въ русскаго патріота, чтобы сдѣлать въ него смертельный залпъ; при чемъ Энгельгардтъ еще совершенно невредимъ и никакой раны у него вообще нѣтъ, что было-бы, безъ сомнѣнія, изображено, если-бы ему предварительно прострѣлили ногу.

Необходимо, однако, замѣтить, въ цѣляхъ безпристрастія, что въ обоихъ изображеніяхъ есть подробности, несогласующіяся и съ показаніями очевидцевъ событія—священниковъ Мурзакевичей.

Такъ, напримѣръ, на первой картинѣ (гравюра Гессе) разстрѣливаемый одѣтъ чуть не по послѣдней модной картинкѣ того времени, тогда какъ онъ, какъ извѣстно, былъ приведенъ на мѣсто казни въ томъ, въ чемъ французы арестовали его въ усадьбѣ, т. е. въ шлафрокѣ; онъ самъ срываетъ съ глазъ повязку, точно она уже была ему передъ тѣмъ надѣта, тогда какъ по показанію двухъ Мурзакевичей онъ не позволилъ ее себѣ надѣть, т. е. стоялъ подъ прицѣленными въ него ружьями безъ повязки; вмѣсто 18 стрѣлковъ мы видимъ на гравюрѣ лишь 7; на горизонтѣ собраны чуть ли не всѣ главные храмы Смоленска, которыхъ на самомъ дѣлѣ изъ глубокаго рва („прикрытаго пути“) видно, конечно, не было; самая казнь происходитъ не въ такомъ рву, а на открытомъ пространствѣ; Энгельгардтъ поставленъ къ какому-то обломку кирпичной стѣнки, котораго не сыщешь въ Смоленскѣ и который, вѣроятно, долженъ изображать развалины Борисовской стѣны, бывшія, однако, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста казни—дна рва и т. п. Тутъ-же, для полноты фантазіи, изображены русская баба въ кокошникѣ и старикъ мужикъ, ожидающіе съ ужасомъ казни Энгельгардта;

а тотъ отстраняетъ ихъ театральнымъ жестомъ подальше отъ себя, чтобы пули не попали въ нихъ случайно...

Приходится сожалѣть, что подобная нѣмецкая, сентиментальная фантазія попала, въ качествѣ, яко-бы, достовѣрной иллюстраціи, въ такое серіозное изслѣдованіе, какъ трудъ генерала Шильдера, безъ надлежащей критической къ ней оговорки.

Еще менѣе правдоподобно другое изображеніе казни П. И. Энгельгардта, которое выдаетъ г. Н. Энгельгардтъ за достовѣрное, такъ какъ, будто-бы, то, что тамъ, на литографіи, представлено совпадаетъ съ „событіемъ“, по словамъ его, „о которомъ не говорятъ исторіеграфы, но несомнѣннымъ“.

На этой литографіи разстрѣливаемый изображенъ въ тотъ моментъ, когда, стоя въ ожиданіи рокового залпа изъ направленныхъ въ него непріятельскихъ ружей, на одномъ колѣнѣ, онъ отстраняетъ рукою пуделя, около него находящагося, чтобы въ то-го не попали предназначенныя для него, Энгельгардта, пули.

Трогательно для сердца родственника, но совсѣмъ неправдоподобно—для всякаго посторонняго, ищущаго истину безъ родственныхъ, сердечныхъ увлеченій.

На изображеніи снова вмѣсто 18-ти лишь шесть-семь стрѣлковъ, но уже нѣтъ ни Смоленской стѣны, ни крытаго хода, а какое-то огромное поле, покрытое буграми, ничѣмъ напоминающее Смоленскъ,— съ нѣмецкою деревушкой и кирхою на заднемъ планѣ; Энгельгардтъ изображенъ стоящимъ на колѣнѣ, тогда какъ подъ ружьями стоялъ онъ во весь ростъ, упавъ на колѣно, какъ извѣстно, уже послѣ залпа и т. п.

Несомнѣнно обѣ картинки сдѣланы гораздо позднѣе самаго событія, по чьему-то разсказу, идущему въ разрѣзъ съ тѣмъ, что сохранилось о казни въ народѣ, при томъ, по разсказу лица, при самой казни, конечно, неприсутствовавшего.

Это лишній разъ указываетъ на то, какъ надо подчасъ осторожно относиться къ разнаго рода преданіямъ и какъ погрѣшилъ сенаторъ Каверинъ передъ исторіей, а за нимъ Богдановичъ и Михайловскій-Данилевскій, введя, въ свои труды, рану въ ногу, безъ серіозной провѣрки подобнаго обстоятельства показаніями очевидцевъ событія, какъ погрѣшаетъ, въ этомъ отношеніи, и авторъ статьи „Давніе эпизоды“, не потрудившись сопоставить официальное донесеніе, хотя-бы съ заявленіями очевидцевъ—священниковъ Мурзакевичей и критически, безпристрастно отнести къ нему...

Нельзя не обратить также вниманія на то, что г. Энгельгардтъ въ умолчаніи Писарева, Орловскаго, Мурзакевичей—о мнѣческомъ „пуделѣ“ усматриваетъ лишній разъ злой умыселъ, нарочно умялющій героизмъ Павла Ивановича..

Если вѣрить фамильной легендѣ, приводимой г. Энгельгардтомъ, то пуделя, когда П. И. Энгельгардтъ, былъ веденъ фран-

пузами изъ заключенія въ Спасскомъ храмѣ на казнь, французы заперли въ какой-то сарай; но тотъ подкопалъ стѣну, выскочилъ, побѣжалъ по слѣду и попалъ на мѣсто казни какъ разъ въ моментъ, когда П. И. Энгельгардтъ, яко-бы, приказалъ французамъ стрѣлять въ него, а тѣ подняли ружья для залпа. Г. Энгельгардту уже чудится, что на литографіи пудель бросился на грудь своего господина, лижетъ его руку, смотритъ на умирающаго плачущими глазами и т. п.

Таково увлеченіе автора—въ благомъ намѣреніи возможно болѣе разукрасить, трагически изобразить обстановку смерти своего однофамильца!...

Между тѣмъ, на упоминаемой литографіи пудель изображенъ съ веревкой на шеѣ, хотя и перегрызенной имъ, но такой толщины, которую можно было нарушить только послѣ большого усилія и промежутка времени, при чемъ нахожденіе веревки ясно указываетъ на то, что собака была не заперта, а привязана.

Ничего подобнаго тому, что пишетъ г. Энгельгардтъ о лизаніи на литографіи собакой руки господина, о плачущихъ, будто-бы, глазахъ пуделя, смотрящихъ на послѣдняго,—нѣтъ: пудель смотритъ на французовъ и морда его поднята надъ рукой Энгельгардта. Самъ Энгельгардтъ еще не умираетъ, такъ какъ въ него еще не стрѣляли и т. д...

Конечно, вполне неправдоподобно даже и предположеніе, чтобы запертый въ сарай пудель успѣлъ подкопаться и догнать по слѣду своего господина, съ казнью котораго французы торопились.

Неправдоподобно Энгельгардтовская семейная легенда, въ устахъ автора, передаетъ и о томъ, что, будто-бы, П. И. Энгельгардтъ, запертый въ алтарь Спасской церкви, могъ изъ окна алтаря, черезъ рѣшотку, ласкать собаку.

Совершенною баснею звучитъ, затѣмъ, повѣствованіе г. Н. Энгельгардта—о томъ, что, будто-бы, П. Ив. Энгельгардтъ „запретилъ“ французамъ пускать къ нему пуделя въ мѣсто его заключенія, точно онъ не былъ плѣнникъ, а представлялъ изъ себя для французовъ какое-то начальство, что пудель, въ теченіи всего пребыванія узника въ Спасской церкви, т. е. около двухъ недѣль, сидѣлъ постоянно за окномъ алтаря и проч.

Изъ сказаннаго-же видно, что оба изображенія—гравюры Гессе и „французской литографіи“ взаимно исключаютъ правдивость другъ друга.

Есть данныя для того, чтобы утверждать однако, что на литографіи изображена казнь не Энгельгардта, а совсѣмъ иного осужденнаго, нѣмца, въ Россіи, что это—лишь фантазія художника, поче-

му-то связанная съ именемъ Энгельгардта по ошибкѣ. Въ этомъ направленіи я еще произвожу мое изслѣдованіе *).

Для насъ, однако, важна не эта путаница рисунковъ-фантазій, а то, что ни на одномъ изображеніи, въ моментъ смертельнаго въ него залпа, П. И. Энгельгардтъ не раненъ въ ногу; что это-же, т. е. отсутствіе раны, совпадаетъ съ показаніями очевидцевъ событія—священниковъ Мурзакевичей, въ свою очередь опровергая легенду, вкравшуюся въ официальное донесеніе сенатора Каверина, написанное много мѣсяцевъ позднѣе самаго происшествія.

Итакъ, не будемъ слишкомъ соблазняться путемъ официальныхъ донесеній, историческихъ сочиненій и сомнительныхъ иллюстрацій-фантазій, который намъ указываетъ авторомъ изслѣдованія „Давніе эпизоды“...

Не менѣе неудаченъ, на взглядъ нашъ, и другой способъ открытія истины, избранный г. Энгельгардтомъ, а именно многогрѣшная попытка его—опорочить показаніе очевидца событія, относящихся къ смерти П. И. Энгельгардта, священника Іоанна Мурзакевича, показаніемъ его отца, протоіерея Никифора Мурзакевича, по отношенію къ одному изъ эпизодовъ, имѣвшихъ мѣсто передъ казною, а именно къ принятію водки приговореннымъ къ смерти.

Выше мы видѣли уже, что рассказываетъ Мурзакевичъ-сынъ относительно этой самой водки.

Мурзакевичъ-же отецъ, въ письмѣ ко вдовѣ П. И. Энгельгардта, на которое ссылается г. Н. Энгельгардтъ—въ своемъ изслѣдованіи, сообщаетъ:

„Въ 11 ч. утра пришелъ къ нему (П. И. Энгельгардту) полковникъ Костенецкій и... принесъ полъ-бутылки простого вина и просилъ его съ нимъ оное распить... Онъ (Энгельгардтъ), хотя отъ того ослабѣлъ нѣсколько и по 14-е число ничего не пилъ и не ѣлъ, и всю ночь не спалъ, но показалъ геройскій духъ“.

Далѣе, послѣ двоеточія, слѣдуетъ описаніе того, въ чемъ выразился этотъ „геройскій духъ“, а именно онъ выразился въ бесѣдѣ съ Костенецкимъ, которая тутъ-же и приводится.

Такимъ образомъ слова „геройскій духъ“ относятся не къ самой казни, а къ тому, что происходило въ Спасской церкви, задолго до разстрѣливанія.

*) Экземпляръ литографіи недавно можно было видѣть въ Петербургѣ, на Мойкѣ, въ городскомъ аукціонномъ залѣ. Къ сожалѣнію, какъ въ томъ убѣждаетъ насъ выпускъ 2-й „Смоленской Старины“ 1912 г., красивая, сентиментальная легенда г. Н. Энгельгардта о „пуделѣ“ и проч., напечатанная въ „Давнихъ эпизодахъ“, уже создала и соотвѣтствующую фантастическую иллюстрацію казни П. И. Энгельгардта—со стороны Смоленскаго художника г. Мушкетова, недавшаго себѣ труда отнести къ разсказу г. Энгельгардта критически и провѣрить его достовѣрными свидѣтельскими показаніями, въ которыхъ пудель, конечно, отсутствуетъ.

Но, спрашивается, въ чемъ-же тутъ разница между разсказами отца и сына Мурзакевичей?

Сынъ говоритъ, что выпивъ водки, Энгельгардтъ „замѣтно охмѣлѣлъ“ и по дорогѣ къ мѣсту казни шелъ нетвердой поступью и даже порой спотыкался, а отецъ, — что онъ „ослабѣлъ нѣсколько“.

Мнѣ кажется, что оба эти показанія, не говоря уже о томъ, что зависятъ отъ степени личныхъ впечатлѣній (одному можетъ показаться, что выпившій человекъ охмѣлѣлъ сильно, другому, что тотъ охмѣлѣлъ не очень сильно), въ сущности, только дополняютъ другъ друга: будучи хмѣльнымъ замѣтно, можно нѣсколько ослабѣть.

Мы видѣли уже выше, что свящ. Іоаннъ Мурзакевичъ и не думалъ заявлять, будто-бы П. И. Энгельгардтъ на мѣстѣ казни говорилъ и дѣйствовалъ въ пьяномъ видѣ, а что известная степень опьяненія относится имъ къ предшествовавшему времени, т. е. къ тому, что было въ Спасской церкви до отправки на мѣсто казни.

То-же рассказываетъ и отецъ Мурзакевичъ.

Оба свидѣтеля, тѣмъ не менѣе, видимо не придавая значенія этому второстепенному эпизоду съ водкою, одинаково подчеркиваютъ геройское поведеніе Энгельгардта на мѣстѣ казни, ни однимъ словомъ не ослабляя его подвига, а, напротивъ, какъ мы это уже и указывали выше, стараясь сохранить каждый его поступокъ, каждое слово, только усиливающіе это впечатлѣніе, имѣя въ виду тѣхъ неочевидцевъ событія, которые будутъ со временемъ читать то, что они пишутъ.

Орловскій-же и Писаревъ, въ свою очередь, никогда, нигдѣ не пытались подрывать довѣріе къ несомнѣнному и для нихъ факту необычайнаго мужества Энгельгардта въ моментъ смерти. Они только буквально, безъ всякихъ комментарій, какъ добросовѣстные „исторіеграфы“, повторили слова Іоанна Мурзакевича, въ свою очередь раздѣляя, вѣдѣ за нимъ, моментъ разговора и поступковъ приговореннаго къ казни съ Костенецкимъ въ Спасской церкви отъ того, что говорилъ и дѣлалъ онъ, приведенный на казнь французами.

Такимъ образомъ г. Н. Энгельгардту совершенно ошибочно показалось, что Орловскій и Писаревъ хотятъ, будто-бы, оклеветать его предка, что они что-то выдумали, что-то намѣренно исказили, что, будто-бы, въ показаніяхъ Мурзакевичей есть какая-то разница.

Невольно, при этомъ, вспомнишь лишній разъ борьбу Донъ-Кихота съ вѣтряными мельницами, а также одну изъ бесѣдъ моихъ съ покойнымъ Л. Н. Толстымъ.

На вопросъ мой, читаетъ-ли онъ то, что сообщаютъ объ его трудахъ въ русскихъ изданіяхъ отечественные критики, великій писатель отвѣтилъ мнѣ, что никогда этого не дѣлаетъ, считая

подобный трудъ совершенно бесполезнымъ, и вотъ въ силу ка-кого соображенія: разница между иностранными критиками и критиками русскими заключается, по его наблюденіямъ, въ томъ, что критикъ иностранный, изучивъ добросовѣстно ваше произведе-ніе, будетъ дѣйствительно критиковать то, что вы написа-ли, почему къ мнѣнію его нельзя не отнестись съ уваженіемъ, какъ ко всякому чужому взгляду вообще; критикъ-же русскій прочтетъ вашъ трудъ поверхностно, въ него не вдумавшись, вообразитъ себѣ, что вы написали то, чего въ сущности вы и не думали говорить, и критикуетъ, затѣмъ, яко-бы васъ, а, на самомъ дѣлѣ, свое личное воображеніе...

Такъ произошло, повидимому, въ данномъ случаѣ и съ Энгельгардтомъ-потомкомъ.

Однако, въ пылу травли И. И. Орловскаго, авторъ статьи доходитъ до того, что приписываетъ покойному то, чего тотъ никогда не писалъ, а именно, будто-бы, Орловскій намекаетъ, что „Павелъ Ивановичъ, въ моментъ казни, былъ... пьянъ“.

Смѣю увѣрить г. Энгельгардта, что ничего подобнаго у до-бросовѣстнаго писателя Орловскаго не имѣется.

И, право, не понимаешь, почему, въ сущности, его, г. Эн-гельгардта, такъ сильно оскорбила сцена, когда польскій полковникъ Костенецкій, пользуясь зависимымъ положеніемъ П. И. Энгельгардта, какъ узника, его душевной растерянностью, насильно вливаетъ ему водку въ ротъ?..

На мой взглядъ, подобное описаніе, сдѣланное свящ. Иоан-номъ Мурзакевичемъ, гораздо симпатичнѣе той сцены, которую рисуешь Мурзакевичъ-отецъ, т. е. когда приговоренный къ казни, въ алтарѣ Божьяго храма, послѣ исповѣди и Св. Прича-стія, мирно распиваетъ водку съ врагомъ Россіи, предателемъ-полякомъ, готовясь къ близкой, неминуемой смерти...

Самъ-же г. Н. Энгельгардтъ находитъ естественнымъ и приличнымъ, когда, слѣдуя фамильному преданію, передаетъ, что приговоренный къ казни, яко-бы, запретилъ пускать сво-его пуделя въ мѣсто заключенія, „ибо то былъ Божій храмъ“...

А пить водку въ этомъ-же храмѣ...

Впрочемъ, тутъ уже дѣло личныхъ вкусовъ: Энгельгардту нравится одно, мнѣ — другое...

Для меня несомнѣнно, что Орловскій повторилъ лишь, а не выдумалъ, повѣствованіе о водкѣ, влитой въ ротъ, такъ какъ и тутъ разсказъ Мурзакевича-сына ни сколько не опровер-гаетъ сообщенія его отца, а какъ-бы дополняетъ его: вѣдь поль-скій полковникъ Костенецкій могъ влить П. И. Энгельгардту насильно нѣсколько глотковъ водки и, въ то-же время, распить съ нимъ мирно остальное.

Здѣсь снова г. Н. Энгельгардту почудилось противорѣчіе и онъ критикуетъ плодъ собственнаго своего воображенія, ду-мая, что кого-то и что-то опровергаетъ. Авторъ даже задаетъ,

при этомъ, совершенно праздные вопросы: вливали-ли Павлу Ивановичу водку прямо изъ горлышка „полбутылки?“ Держали-ли его, при этомъ, солдаты? и т. п.

Быть можетъ, это—попытка на остроуміе, на глубину анализа?!... Не знаемъ...

Нельзя не отмѣтить, при этомъ, что нѣсколько глотковъ водки, выпитыхъ П. И. Энгельгардтомъ, обратились у его потомка въ „одинъ глотокъ“ вина, которое онъ зоветъ, почему-то, „польскимъ“...

Допусти подобное искаженіе Писаревъ и Орловскій, какіе громы на нихъ обрушилъ-бы авторъ „Давнихъ эпизодовъ“!...

Спрашивается, почему-же о Никифоръ Мурзакевичъ ничего не упоминаетъ о насильственномъ вливаніи водки?

Это объясняется весьма просто:

Въ дневникъ свой историкъ Смоленска заносилъ лишь кратко историческія, бытовыя событія, имѣвшія государственное, общественное, мѣстное значеніе для Смоленска, а потому и о казни П. И. Энгельгардта тамъ сказано лишь кратко, какъ о фактѣ, связанномъ, при томъ, съ личной жизнью автора дневника, и никакія второстепенныя подробности вообще туда, объ этомъ событіи, не попали.

Съ другой стороны, понятно простое чувство деликатности, не позволившее о Никифору рисовать въ мелочахъ женщинѣ, потерявшей мужа, погибшаго столь трагически, сцену, нѣсколько какъ-бы роняющую героически умершаго покойнаго.

Наконецъ, писавшій просто считалъ эту подробность такой мелочью, о которой и говорить-то не стоитъ...

Но допустимъ, однако, хоть на минуту, что заявленія свящ. Іоанна Мурзакевича о смерти П. И. Энгельгардта дѣйствительно вызываютъ вообще какія-либо сомнѣнія...

Какой-же у г. Энгельгардта мотивъ—не вѣрить показанію этого свидѣтеля-очевидца? Представляетъ-ли самъ онъ вѣскія доказательства въ опроверженіе автора воспоминаній, даетъ-ли намъ свой, новый, неопровержимый, матеріаль, при сопоставленіи съ которымъ то, что рассказалъ потомству свящ. Іоаннъ Мурзакевичъ, является явнымъ вздоромъ, тенденціозной выдумкой „поповича“, позавидовавшаго славѣ П. И. Энгельгардта?!...

А вотъ, видите-ли, главная сила опроверженія Энгельгардта-потомка заключается въ томъ, что свидѣтель Іоаннъ Мурзакевичъ, въ моментъ, когда видѣлъ смерть Энгельгардта, былъ, будто-бы, маленькимъ мальчикомъ, ребенкомъ, рассказывалъ о событіи по памяти, много лѣтъ спустя, отчасти по слухамъ, почему могъ и перевернуть подробности—въ силу явленія, яко-бы, „абберации памяти“...

Начать съ того, что упоминаемый Мурзакевичъ (сынъ), въ моментъ казни Энгельгардта, былъ уже не бессмысленный

ребенокъ, а юноша, воспитывавшійся даже въ семинаріи, подростокъ, котораго отецъ бралъ съ собой въ помощники во время обхода раненыхъ и умирающихъ подъ градомъ снарядовъ и пуль, т. е. будучи увѣренъ, что сынъ-юноша не растеряется и спокойно исполнитъ возлагаемыя на него порученія.

Какъ-бы предвидя самъ слабость своихъ доводовъ, г. Энгельгардтъ снѣшить тутъ-же объяснитъ, что о. Никифоръ Мурзакевичъ бралъ съ собою сына своего, при подобныхъ обходахъ, будто-бы, лишь для того, чтобы тотъ „постигъ обязанности христіанскаго пастыря“.

Откуда это? И если-бы дѣло обстояло такъ, то что-же опровергаетъ или доказываетъ такое предположеніе по отношенію къ данному событію—смерти П. И. Энгельгардта?..

И развѣ снова нельзя здѣсь примирить два варианта о цѣли, съ какой брался пастыремъ-героемъ его сынъ?

Во вторыхъ, едва-ли удачна ссылка на какую-то „абберацию памяти“, когда у Ив. Ив. Орловскаго, собиравшаго свѣдѣнія объ Іоаннѣ Мурзакевичѣ у знавшихъ его Смолянъ („Русская Старина“, 1903 г. май, стр. 336) прямо сказано:

„Еще подробнѣе описаны они (т. е. обстоятельства смерти П. И. Энгельгардта) сыномъ Мурзакевича, Иваномъ, на котораго зрѣлице казни произвело такое сильное впечатлѣніе, что и въ глубокой старости онъ не могъ вспомнить о ней безъ содроганія“.

Всякій, мало-мальски знакомый съ психологіей, хотя-бы, своихъ личныхъ, дѣтскихъ воспоминаній, знаетъ, насколько порой врѣзываются навсегда въ дѣтской, а, тѣмъ болѣе, въ юношеской, памяти, даже мелочи, особенно поразившія когда-либо наше воображеніе.

Въ данномъ-же случаѣ, юноша Іоаннъ Мурзакевичъ, посѣщая съ отцомъ приговореннаго къ смерти, интеллигентнаго человѣка, помѣщика, бывшаго военнаго, аристократа, считая его, со словъ окружающихъ, невинно-пострадавшимъ отъ враговъ родины, присутствуя при послѣднихъ, предсмертныхъ разговорахъ его съ отцомъ, а, затѣмъ, видя геройство казнимаго на мѣстѣ казни, не могъ, конечно, не запомнить, до мелочей, на всю свою жизнь, тѣхъ сценъ, которыя прошли передъ его глазами. Не разъ, надо думать, въ бесѣдахъ съ отцомъ и другими очевидцами событія, Смолянами, имена которыхъ не дошли до насъ, возвращался онъ къ этому сплошному ужасу, освѣжая въ памяти своей прошлое и провѣряя его рассказами другихъ.

Несомнѣнно, поэтому, что дополняя отца, при набрасываніи своихъ воспоминаній, Іоаннъ Мурзакевичъ повѣствуетъ искренно лишь одну правду, какъ-бы зарисовывая на бумагу тѣ картины, которыя, какъ живыя, стояли всегда, не угасая, въ его памяти.

Я уже не говорю о томъ, что никто изъ знавшихъ покойнаго автора воспоминаній до сихъ поръ не заподозрилъ его въ сознательной лжи; объ этомъ священникъ сохранилось въ Смоленскѣ только хорошее.

Да и писалъ-то онъ свои мемуары для себя, для дѣтей, не подозрѣвая, что когда-либо станутъ они достояніемъ публики, а, тѣмъ болѣе, попадутъ подъ „историко-критическій анализъ“ одного изъ Энгельгардтовъ...

Какъ-бы желая подорвать еще болѣе довѣріе къ словамъ свящ. Іоанна Мурзакевича и вконецъ ошельмовать правдивость его разсказа, г. Энгельгардтъ-потомокъ не скупится на слишкомъ лестные эпитеты Мурзакевичу-отцу, думая, что только этотъ послѣдній и говорить правду.

По словамъ автора статьи „Давніе эпизоды“, протоіерей Никифоръ Мурзакевичъ—и священно-лужитель, „высокая личность котораго полна такого захватывающаго величія, что въ правдивости его невозможно усомниться“, и человекъ, въ которомъ „бѣдность не угасила духа“, и „высокій пастырь“, „каждая строка письма“ котораго ко вдовѣ казненнаго Энгельгардта, „дышетъ величественной простотой и глубочайшей правдивостью“, и „истинно пастырь добрый“, и „первый Смоленскій историкъ“ и пр.

Тутъ-же приводитъ авторъ, какъ-бы въ подкрѣпленіе своего мнѣнія о Мурзакевичѣ-отцѣ, слова о немъ того самого И. И. Орловскаго, котораго считаетъ клеветникомъ:

„1812 годъ поставилъ личность о. Никифора на такой высотѣ нравственнаго долга и гражданской добродѣтели, на какой она не могла быть поставлена ни его литературными трудами, ни уваженіемъ общества и вниманіемъ лучшихъ людей города“.

„Очень хорошо“, воспользуемся мы системой, редакціей опроверженій г. Энгельгардта, повторяя его-же выраженія: „Но если личность о. Никифора такова, если заслуги его для Смоленска настолько велики, то... зачѣмъ-же Смолянину бросать въ него, покойнаго и не могущаго нынѣ защищаться, грязью, позоря печатно свѣтлую память его густымъ „помазкомъ легкой клеветы“?!...“

А это г. Н. Энгельгардтъ, не замѣчая противорѣчій, въ которыхъ, обличая другихъ, на каждомъ шагу самъ запутывается въ статьѣ своей, и дѣлаетъ.

Такъ онъ пишетъ:

„Но И. И. Орловскій, въ другихъ своихъ историческихъ работахъ столь точный и добросовѣстный, въ отношеніи П. И. Энгельгардта поддается гипнозу либеральной редакціи С. И. Писарева и, съ своей стороны, старается запачкать память героя, ибо онъ былъ де „крѣпостникъ“, а, главное, дворянинъ. Между тѣмъ, какъ старается онъ облить Мурзакевича (отца), *хотя*

тогда подлинно был обвиненъ въ государственной измѣнѣ. Странно, онъ негодуетъ на несправедливость къ Мурзакевичу, а самъ-же легко клеймить память героя (П. И. Энгельгардта), стараясь его изобразить мучителемъ своихъ крѣпостныхъ и идущимъ на казнь „сильно захмѣлѣвъ“, послѣ того, какъ ему, русскому полковнику, полякъ (Костенецкій) насильно влилъ въ ротъ „полбутылки водки“...

И, затѣмъ, слѣдуетъ уже приведенное нами, въ своемъ мѣстѣ, объясненіе г. Н. Энгельгардта причинъ подобнаго пристрастія, со стороны Орловскаго, его, такъ сказать, принципиальнымъ недоброжелательствомъ, какъ поповича и семинариста, къ дворянину.

Но если Орловскій поддался чужому „гипнозу“ своего „учителя“ Писарева, то не исключаетъ-ли уже одно подобное предположеніе понятія объ умышленной клеветѣ и инсинуаціи съ его стороны?

Произведя своего предка почему-то изъ подполковниковъ въ полковники, Энгельгардтъ, какъ мы видимъ, прямо зоветъ свящ. Мурзакевича-отца „подлиннымъ“ (т. е. несомнѣннымъ) „измѣнникомъ“.

Не говоря о томъ, что это—явная клевета на покойнаго о. Никифора Мурзакевича, опровергаемая не только официальнымъ дѣломъ о. свящ. Мурзакевичъ, разобраннымъ Орловскимъ въ его изслѣдованіи („Русская Старина“ 1903 г.), *) но и самимъ авторомъ, въ его статьѣ „Давніе эпизоды“, уже тѣмъ, что вся „измѣна“ достойнаго героя Смоленска и мужественнаго пастыря заключалась, по сообщенію г. Энгельгардта, лишь въ поднесеніи Наполеону, въ Смоленскѣ, въ минуту неожиданной встрѣчи съ нимъ и растерянности, отъ того происшедшей, „черствой просфоры“,—нельзя понять, какъ въ литературной совѣсти г. Энгельгардта мирно могутъ ужиться понятіе о „доподлинномъ измѣнникѣ“ съ тѣми лестными кличками, которыми онъ окружаетъ имя о. Никифора Мурзакевича и которыя, конечно, должны-бы были исключать даже и намекъ на какую-либо его непорядочность...

Впрочемъ, о качествахъ безпристрастія г. Энгельгардта при характеристикахъ можно судить и по отношенію его къ И. И. Орловскому.

То онъ, Орловскій, у него гаденькій инсинуаторъ и завѣдомый клеветникъ, то „точный и добросовѣстный“ въ своихъ историческихъ работахъ, на которыя ссылается самъ-же авторъ, когда это служить его цѣли—возвеличить П. И. Энгельгардта, то провинціальный историкъ и исторіеграфъ, послѣднее званіе котораго, надо думать, въ насмѣшку или умаленіе его значенія,

*) И нынѣ документально изложеннымъ въ выпускѣ № 2-й „Смоленской Старины“ (1912 г.).

берется г. Энгельгардтомъ-потомкомъ (или однофамильцемъ?) въ ироническихъ кавычкахъ, то снова лицо, историческимъ изслѣдованіемъ котораго надо вѣрить и т. п.

Или эти кавычки—новая, неудачная попытка на тяжелый каламбуръ столичнаго историка и исторіеграфа, въ родѣ другихъ, подобныхъ-же потугъ на юморъ, разсѣянныхъ имъ въ статьѣ, въ родѣ того, что „собаки, свиньи, *цуси* и болѣе крупныя четвероногія“, бродящія въ Смоленскѣ кругомъ памятника П. И. Энгельгардта, „обильно оставляютъ“ тамъ „слѣды своего благосклоннаго посѣщенія“, или, что „пастырь душъ о. Мурзакевичъ (отецъ) получилъ по духовному завѣщанію казеннаго Энгельгардта пять крѣпостныхъ „душъ“ и т. п.?...

Въ послѣдней выходкѣ видимъ мы, однако, еще разъ на смѣшку надъ человѣкомъ, надъ бѣднымъ священнослужителемъ, о которомъ ранѣе такъ хвалебно отзывается г. Н. Энгельгардтъ, подчеркивая, что „бѣдность не угасила въ немъ духа“...

Замѣтимъ, кстати, что, по редакціи автора статьи, даже гуси попали въ разрядъ „четвероногихъ“, когда надо изобразить ихъ бродящими у памятника П. И. Энгельгардта безъ должнаго уваженія къ памяти героя, оставляющими тамъ „слѣды своего благосклоннаго посѣщенія“.

Впрочемъ, чего—чего только не померещилось г. Энгельгардту въ минуту сильнаго огорченія видомъ заброшенности памятника его предка (или однофамильца)!...

Такъ, ограда, состоящая изъ двойнаго ряда толстыхъ, прямыхъ, четырехугольныхъ деревянныхъ брусевъ, далеко отъ памятника находившаяся во время писанія имъ статьи, конечно, не допускавшая „болѣе крупныхъ“, чѣмъ свиньи, „четвероногихъ“ (надо думать, коровъ, лошадей?) подойти къ памятнику близко, разъ самъ г. Энгельгардтъ долженъ былъ черезъ нее „перескакивать“, чтобы приблизиться къ монументу, обратилась у него въ „барьеръ изъ кривыхъ палочекъ“, который не можетъ, яко-бы, помѣшать этимъ, болѣе крупнымъ, четвероногимъ вести себя непристойно. По словамъ г. Энгельгардта, даже цѣпи не мѣшаютъ подобнымъ экскурсіямъ, хотя для того, чтобы добраться до цѣпей, надо, какъ это извѣстно хорошо Смолыанамъ, одолѣть деревянную преграду. *)

Могу его увѣрить, зная хорошо обстановку памятника, что такое упражненіе, какъ пролѣзаніе внутрь деревянной ограды, въ виду высоты и устройства этой ограды, прямо невозможно, ни для свиней, ни для „болѣе крупныхъ четвероногихъ“.

А прочтите-ка описаніе площади, на которой находится памятникъ... Можно думать, что это—пустырь, окруженный жалкими, деревянными лачугами.

*) Написано нами въ 1911 году, вслѣдъ за статьей г. Энгельгардта, какъ и все остальное, относящееся къ памятнику, площади вокругъ него, Борисовской стѣнѣ и проч.

Такъ и показалось, вѣроятно, читателямъ, никогда въ Смоленскѣ не бывавшимъ. Смоляне-же знаютъ, что на этой площади — и чудный римско-католическій костелъ, и музей кн. Тенишевой, и огромное, каменное зданіе коннозаводства, и другіе каменные дома, что ее пересѣкаетъ электрическій трамвай и проч., и проч. Есть тамъ и лачуги, но ихъ сравнительно не много.

Впрочемъ, у г. Энгельгардта вообще нѣтъ мѣры, когда онъ хочетъ особенно похвалить что-либо или унижить.

Посудите сами...

Статья его начинается, напримѣръ, поэтическимъ описаніемъ тѣхъ „Семирамидиныхъ, всякихъ садовъ, волшебныхъ“, которые тридцать лѣтъ тому назадъ, яко-бы, видѣлъ онъ своими собственными глазами, на Борисовской стѣнѣ, въ развалинахъ и теперь окружающей гор. Смоленскъ. По его увѣренію, въ сихъ, „Богомъ насажденныхъ, воздушныхъ садахъ“, росли тогда цвѣты, кусты и деревья, ютились птицы...

Воображаю, какъ старожилы Смоленска улыбались, читая эти поэтическія воспоминанія одного изъ своихъ согражданъ и хорошо помня, что тридцать лѣтъ тому назадъ и гораздо ранѣе „сіи, Богомъ насажденные, волшебные, Семирамидины сады“ были ничто иное, какъ чахлыя, рѣдкія березки, еще болѣе чахлыя кустики, клочки сорной травы съ вкрапленными въ нее, тоже убогими, полевыми цвѣточками, кое-гдѣ росшіе на стѣнахъ, а птицы, эти сады населявшія, являлись тѣми-же, что и теперь можно видѣть на стѣнахъ Смоленска, т. е. голуби, вороны, галки и воробьи.

Не виной-ли тутъ „абберация“ дѣтской памяти автора „Давнихъ эпизодовъ“?!...

Впрочемъ, мы, современники, понимаемъ поэтическій паеосъ г. Н. Энгельгардта, такъ какъ волшебные сады, будто-бы уничтоженные варварскимъ городскимъ управленіемъ Смоленска, сплошь, по его увѣренію, состоящимъ изъ людей, не имѣющихъ никакого вкуса, поэтическаго чутья, не понимающихъ, что тутъ имѣлось на лицо „чудо искусства“ — результаты совмѣстной работы природы и грандіознаго архитектурнаго труда людей былой эпохи, понадобилось автору для перехода къ подобному-же варварству, будто-бы, совершенному, по убѣжденію его, тѣмъ-же управленіемъ, хотя и въ иномъ составѣ, въ отношеніи къ памятнику П. И. Энгельгардта.

Съ другой стороны, будущій, безпристрастный историкъ Смоленска, чуждый родственныхъ и иныхъ увлеченій, осудивъ дѣятельность Смоленской особой комиссіи по охранѣ, реставраціи Борисовской стѣны, дѣйствительно допустившей растаскиваніе этой стѣны по кирпичамъ для домовъ мѣстныхъ обывателей, равно какъ и заброшенность памятника П. И. Энгельгардта — со стороны городского управленія, отсутствіе давно проэктированнаго „сквера“ вокругъ послѣдняго, воздастъ должную хвалу

этой-же комиссиі за то, что ея велась энергичная борьба, по указаніямъ специалистовъ, именно съ разнаго рода произрастаніями на стѣнѣ, такъ какъ извѣстно, что, напримѣръ, корни деревьевъ, кустовъ, проникая съ влагою въ расщелины камней, особенно кирпичей, быстро совершаютъ разрушительную работу надъ старинными кирпичными сооруженіями. Союзъ природы и развалинъ хорошъ, но лишь тогда, когда развалины эти не имѣютъ значенія историческихъ, предназначенныхъ быть, по возможности, сохранимыми для потомства. Въ послѣднемъ случаѣ, всякую растительность благоразумно уничтожаютъ, а тѣ мѣста, гдѣ она была, предусмотрительно заливаютъ цементомъ.

Нельзя не отмѣтить и того факта, что деревянная ограда, надъ которою такъ ошибочно глумится г. Энгельгардтъ, стѣлана тѣмъ-же городскимъ управленіемъ на далекомъ разстояніи отъ цѣпей, окружающихъ памятникъ, именно для того, чтобы ни гуси, ни четвероногія животныя не могли близко подойти къ памятнику.

Что хотѣлъ сказать, затѣмъ, г. Энгельгардтъ, серьезно увѣряя, что кости героя П. И. Энгельгардта, будто-бы, лежатъ не только въ забвеніи, но и „въ поруганіи“?... Гдѣ, въ чемъ, со стороны кого, усмотрѣлъ онъ это „поруганіе“?!...

Но мы, слѣдуя за г. Энгельгардтомъ, постоянно уклоняющимся, въ трудѣ своемъ, отъ главной темы, сами, невольно, уклонились отъ неумолимаго суда, творимаго авторомъ статьи, надъ Писаревымъ и Орловскимъ.

Итакъ, продолжаемъ...

Не желая, вконецъ, подорвать довѣрія къ словамъ о Никифора Мурзакевича, г. Энгельгардтъ—старается, однако, доказать, что, если этотъ свидѣтель и рассказываетъ о водкѣ, распитой приговореннымъ на казнь, то подобная сцена имѣла мѣсто не въ утро казни, а днемъ ранѣе, т. е. что снова Писаревъ и Орловскій наврали—во вредъ славы П. И. Энгельгардта.

Разберемся-же спокойно, безпристрастно и въ этой попыткѣ автора „Давнихъ эпизодовъ“ еще разъ, по своему, освѣтить извѣстный фактъ.

Не смотря на все сомнительные софизмы г. Н. Энгельгардта, для насъ ясно, что о Никифорѣ Мурзакевичѣ, спѣшно набрасывая письмо ко вдовѣ П. И. Энгельгардта, не сталь-бы рассказывать послѣдней о томъ, какъ покойный ея мужъ пилъ водку съ полковникомъ Костенецкимъ, ослабѣлъ и проч., если-бы все это не былъ однимъ изъ эпизодовъ, непосредственно предшествовавшихъ казни, т. е. совершившихся въ тотъ-же день, когда она совершилась, 15 октября.

Остановившись на словахъ священника о томъ, что Энгельгардтъ „по 14-е число ничего не пилъ и не ѣлъ“, „всю ночь не спалъ“, авторъ статьи спрашиваетъ: „Какую ночь“?—И самъ себѣ отвѣчаетъ: „Явно, съ 13 на 14-е число“...

Отсюда онъ выводитъ, что сцена съ полковникомъ Костенецкимъ имѣла мѣсто не въ день казни, утромъ 15-го октября, а наканунѣ ея, т. е. въ утро 14-го октября.

А, затѣмъ, конечно,—другой выводъ, что и Писаревъ, и Орловскій наврали, вслѣдъ за свящ. Іоанномъ Мурзакевичемъ, о томъ, что передъ самой казнью Павелъ Ивановичъ, отъ водки, находился въ нѣсколько повышенномъ настроеніи.

Позволимъ себѣ, однако, и тутъ не согласиться съ разсужденіями автора статьи.

На вопросъ о „ночи“, отвѣтимъ ему за покойниковъ: Конечно, П. И. Энгельгардтъ не спалъ ночь съ 14-го на 15-е. Иначе о Никифору нечего было-бы и писать объ этомъ вдовѣ Энгельгардта, описывая утро его казни.

По существующему (и всегда существовавшему) во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ обычаю, осужденный на казнь передъ самой казнью получаетъ пищу.

Надо думать, поэтому, что 15-го, передъ тѣмъ, какъ идти на казнь, и Энгельгардтъ былъ французами накормленъ, а 13 и 14-го не принималъ пищи, если французы ее ему не приносили.

Свящ.-же Мурзакевичъ хотѣлъ только сказать, что предыдущая голодовка, въ связи съ послѣдней безсонной ночью, волненіями этой ночи и выпитой водкою, „нѣсколько ослабила“ приговореннаго къ казни.

Фраза эта такъ и построена: особо голодовка 13 и 14-го; особо безсонная ночь съ 14-го на 15-е. Очевидно это не случайность, не описка.

Наконецъ, тутъ всякія сомнѣнія разсѣиваются точнымъ показаніемъ свящ. Іоанна Мурзакевича-сына, который ясно говоритъ, что водка была выпита Энгельгардтомъ 15-го октября, въ церкви, непосредственно передъ тѣмъ, какъ идти на мѣсто казни т. е. не задолго до самой казни.

Нельзя-же отдѣлять одно показаніе отъ другого, выбирая изъ нихъ то, что болѣе нравится, а надо брать всегда все показанія, въ ихъ совокупности, провѣряя и дополняя ихъ одно другимъ, какъ это и дѣлается, напримѣръ, въ судахъ, при наличности нѣсколькихъ свидѣтельскихъ заявленій...

Чтобы покончить съ тѣмъ, что говоритъ г. Энгельгардтъ о казни своего предка или однофамильца, отмѣтимъ еще мѣста въ его трудѣ, указывающія на то, что онъ, столь придирчиво, критически, недовѣрчиво относящійся къ разсказамъ другихъ, самъ, чуть не на каждомъ шагу, остунается въ ямы противорѣчій и даже искаженій фактовъ...

Энгельгардта изъ его имѣнія французы „привезли въ Смоленскъ“, читаемъ у него.

Тогда какъ Павла Ивановича привели туда со связанными руками.

„Казнь совершена была лишь на зарѣ 15-го октября 1812 года“, увѣряетъ авторъ „Давнихъ эпизодовъ“.

Между тѣмъ, изъ показаній обоихъ Мурзакевичей (въ томъ числѣ и Мурзакевича-отца, которому г. Энгельгардтъ безусловно вѣритъ), явствуетъ, что это событіе имѣло мѣсто не на зарѣ, а послѣ 11 часовъ дня, 15-го октября, такъ какъ только въ 11 ч. утра пришелъ къ осужденному полковникъ Костенецкій; казнь же совершилась значительно позднѣе.

Откуда взялъ авторъ, что Энгельгардтъ обѣ ночи съ 13 на 14-е и съ 14 на 15-е провелъ, молясь въ алтарѣ Спасской церкви?

Совершенно ничѣмъ не подкрѣплено и заявленіе его о томъ, что, будто-бы, „святыя двери“ (алтаря) „давали здѣсь нѣкоторое уединеніе приговоренному къ казни“, тогда какъ самъ же онъ говоритъ, что осужденный былъ заключенъ вмѣстѣ съ другими плѣнными, а между ними находились и французы, и поляки, и баварцы, для которыхъ двери православнаго алтаря, кощунственно обращеннаго въ смрадную тюрьму, конечно, не являлись святыней.

Но автору понадобилась картинка—и вотъ ради нея онъ жертвуетъ логикой.

Откуда взялъ онъ, затѣмъ, что сопровождавшій на мѣсто казни П. И. Энгельгардта Рогулинъ шелъ, имѣя на себѣ „повязанный по чресламъ трехцвѣтный шарфъ“? Откуда рассказываетъ о какомъ-то „профосѣ“, который начальствовалъ солдатами, назначенными для казни?

Или-же это сказано лишь для краснаго словца?

Г. Энгельгардтъ сопровождаетъ знакомъ недоуменнаго вопроса то мѣсто разсказа Писарева, гдѣ говорится о взятіи Павла Ивановича, въ его имѣнныя, французами „въ томъ видѣ, какъ онъ былъ дома“.

А самъ, въ концѣ статьи, говоритъ, что и на мѣстѣ казни Энгельгардтъ былъ въ „домашнемъ плафрокѣ“...

Пойдемъ, затѣмъ, далѣе..

Бой съ французами подъ стѣнами Смоленска, какъ отмѣчаетъ правильно самъ авторъ, происходилъ 5 августа 1812 года. Тогда-же имѣла мѣсто и жаркая схватка принца Евгенія Вюртембергскаго и генерала Коновницына съ французами въ „прикрытомъ пути“, у Молоховскихъ воротъ, о которой рассказываетъ Писаревъ и которая рисовалась г. Н. Энгельгардту, пока шелъ онъ къ памятнику П. И. Энгельгардта потому, что тамъ, на этомъ мѣстѣ, былъ казненъ Павелъ Ивановичъ.

Такъ пишетъ авторъ въ началѣ своей статьи „Давніе эпизоды“.

А вотъ что, забывъ сказанное имъ ранѣе, говоритъ онъ въ концѣ этой-же статьи, изображая путь, по которому П. И. Энгельгардтъ, будто-бы, шелъ 15-го октября къ мѣсту казни: по

словамъ г. Энгельгардта, осужденный съ сопровождавшими его прошли гулкія ворота еще невзорванной французами Молоховской башни. „Здѣсь еще лежали груды труповъ во рву и смердѣли озера крови“. Энгельгардта вели у подошвы стѣны, и онъ видѣлъ этотъ „покрытый путь“, гдѣ кипѣла такая упорная битва, гдѣ Коновницынъ и принцъ Евгений отражали съ егерями бѣшенныя приступы французовъ“...

Не говоря уже о томъ, что эти „озера крови“ во рву напоминаютъ намъ „Семирамидины висячіе сады волшебныя“ на Борисовской стѣнѣ Смоленска, описанные столь поэтично авторомъ, онъ очевидно забываетъ, что со времени битвы 5-го августа до казни П. И. Энгельгардта (15 го октября) прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ и, конечно, „груды труповъ“ не могли лежать, а „озера крови“ „смердѣть“ въ городѣ, занятомъ французами, озабоченными санитарной обстановкой своихъ-же войскъ.

Такъ говорить уже одна здравая логика, если не привести, въ опроверженіе кровавой басни г. Энгельгардта, историческіе источники, устанавливающіе, что первымъ дѣломъ французамъ, по занятіи ими Смоленска, въ дѣлахъ личнаго благополучія, были, конечно, уборка, сожженіе мертвыхъ тѣлъ и вообще уничтоженіе слѣдовъ упоминаемаго побоища...

Откуда взялъ г. Энгельгардтъ, что Павла Ивановича, передъ разстрѣломъ, французы, „поставили къ стѣнѣ“ (очевидно Годуновской)? Авторъ даже изображаетъ его „прислонившимся“ къ этой стѣнѣ.

Ни у одного изъ Мурзакевичей ничего объ этомъ не говорится, такъ какъ казнь произошла не у стѣны.

Мѣсто постановки намятника, въ извѣстномъ разстояніи отъ крѣпостной стѣны, указываетъ на то, что дѣйствительно казнили Энгельгардта не у самой стѣны.

Какъ видно изъ разсказа Мурзакевича-отца, казнь произошла въ „шанцахъ“, т. е. въ „покрытомъ пути“, „во рву“ крѣпости (дневникъ его).

Ровъ-же этотъ (какъ это можно видѣть и теперь по остаткамъ другихъ подобныхъ-же рововъ въ Смоленскѣ и судить по описанію И. И. Орловскаго въ книгѣ его „Смоленская стѣна“) былъ глубокъ, а потому, стоявшій на днѣ его Энгельгардтъ никакъ не могъ находиться въ моментъ разстрѣла у самой стѣны, тѣмъ болѣе прислоняться къ ней, а стоялъ на разстояніи отъ стѣны, довольно значительномъ.

Снова мы имѣемъ дѣло съ поэтической картинкой, нарисованной г. Энгельгардтомъ, безъ должнаго „историко-критическаго авализа“ матеріала, находившагося у него въ рукахъ.

Откуда взялъ также г. Энгельгардтъ, что о. Никифоръ Мурзакевичъ провелъ съ осужденнымъ и „весь день 14-го октября“?

Я тщательно перерылъ весь дневникъ о. Никифора Мурзакевича и приложенныя къ дневнику его письма и не нашель,

чтобы гдѣ-либо о. Никифоръ говорилъ, что Костенецкому „нужно было только разузнать“, у него, Мурзакевича, „гдѣ будутъ спрятаны эти (т. е. церковныя) вещи“, что Костенецкій совѣтовалъ припрятать ихъ въ другое мѣсто и т. п.

Между тѣмъ, г. Энгельгардтъ, поставивъ подобное заявленіе въ кавычки, какъ собственныя слова о. Мурзакевича-автора, говоритъ, что, будто-бы, такъ „объясняетъ“ самъ Мурзакевичъ.

Посмотрите, напримѣръ, до чего запутывается, въ разныхъ опредѣленіяхъ, авторъ статьи, когда старается изобразить, насколько небрежно было закопано тѣло П. И. Энгельгардта.

О. Никифоръ Мурзакевичъ говоритъ (въ письмѣ ко вдовѣ казеннаго), что послѣ разстрѣла трупъ Энгельгардта „вбросили ничкомъ въ три четверти выкопанную яму“.

Кажется ясно, что яма хотя была неглубока, но все-же закрывала тѣло, т. е. что послѣднее было закопано въ землю.

А г. Н. Энгельгардтъ увѣряетъ насъ, что будто-бы Мурзакевичъ заявилъ, въ этомъ письмѣ, что тѣло казеннаго „лежало собственно на виду“.

Ничего подобнаго свидѣтель-священникъ, конечно, не говорилъ и не могъ говорить.

У г. Н. Энгельгардта выходитъ, что трупъ казеннаго то лежитъ „почти открытый“, то онъ въ „ямѣ“, то въ „ямкѣ“ въ $\frac{3}{4}$ “ и т. п.

Впрочемъ авторъ, по обыкновенію, и въ другихъ мѣстахъ статьи не церемонится съ чужими документами.

Напримѣръ, у о. Никифора Мурзакевича ясно сказано, что П. И. Энгельгардтъ, выслушавъ въ церкви объясненія Костенецкаго, „поблагодарилъ“ полковника „за учтивость“.

А г. Н. Энгельгардтъ уже спѣшитъ заявить, что приговоренный къ казни „изъ учтивости“ не отказалъ поляку „распить съ нимъ“ вино.

О. Никифоръ Мурзакевичъ передаетъ далѣе, что смертельно-раненый залпомъ изъ французскихъ ружей П. И. Энгельгардтъ... „навзничъ палъ, имѣя поднятыя руки и глаза къ небу, по примѣру первомученика Стефана, началъ кончаться“, т. е. что въ это время поза Энгельгардта напоминала собой общепринятой изображеніе раненаго Св. Стефана.

У г.-же Энгельгардта выходитъ, будто-бы о. Мурзакевичъ намѣревался тутъ, въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія, сравнить геройство Павла Ивановича съ подвигомъ святого.

Въ то-же время, въ пылу борьбы съ воображаемыми клеветниками, инсинуаторами, авторъ статьи „Давніе эпизоды“ какъ-бы не замѣчаетъ дѣйствительныхъ противорѣчій и слабыхъ мѣстъ даже въ разсказахъ несомнѣнно добросовѣстнаго, по его-же признанію, очевидца Мурзакевича-отца.

Этотъ послѣдній увѣряетъ, напримѣръ, въ письмѣ ко вдовѣ Энгельгардта, что „смерть Павлу Ивановичу объявлена 13-го ок-

тября“ и что тогда-же онъ, о. Никифоръ, былъ призванъ Энгельгардтомъ въ Спасскую церковь, который просилъ исповѣдать его и приобщить Животворящихъ Тайнъ и т. п.

Между тѣмъ, это событіе (13-го октября) занесено въ дневникъ о. Никифора подъ 12-мъ октября, т. е. днемъ ранѣе.

Неменьшее недоразумѣніе вызываетъ и то, что подъ тѣмъ-же 12 октября, въ дневникъ, записано о самой казни П. И. Энгельгардта, имѣвшей мѣсто 15-го октября, т. е. еще позднѣе.

Въ томъ-же письмѣ приводятся о. Н. Мурзакевичемъ, въ кавычкахъ, какъ подлинныя слова П. И. Энгельгардта, нѣсколько патріотическихкихъ фразъ, обращенныхъ послѣднимъ къ французамъ, на мѣстѣ казни, съ оговоркой, что осужденный произнесъ ихъ по-французски.

Однако, изъ дневника Мурзакевича видно, что тотъ, совершенно не зная французскаго языка, не понимая даже французской рѣчи, съ французами объяснялся не иначе, какъ черезъ польскаго переводчика.

С. П. Писаревъ-же, въ своемъ трудѣ „Памятная книга г. Смоленска“, удостовѣряетъ также, что Мурзакевичъ-отецъ умѣлъ говорить лишь по-латынѣ и отчасти по-польски.

Такимъ образомъ, подъ большимъ сомнѣніемъ находится вообще все то, что приносилъ П. И. Энгельгардтъ на мѣстѣ казни—во время пререканій его съ французами, даже со словъ свящ. Н. Мурзакевича.

Энгельгардтъ-же приводитъ его слова, какъ будто-бы въ точности ихъ редакціи не встрѣчается серьезнаго сомнѣнія...

Относительно датъ впадаетъ въ ошибку даже Ив. Ив. Орловскій, въ своей статьѣ о свящ. Н. Мурзакевичѣ („Русская Старина“, май 1903 г.), сообщая, что Мурзакевичъ былъ приглашенъ къ плѣнному Энгельгардту французами 12-го октября, тогда какъ это имѣло мѣсто 13-го октября: видимо его ввело заблужденіе то, что рассказъ объ Энгельгардтѣ у Мурзакевича приведенъ подъ 12 октября.

Конечно, ничѣмъ не доказано и предположеніе г. Н. Энгельгардта о томъ, что, будто-бы, на мѣстѣ казни П. И. Энгельгардтъ „самъ распоряжался своей казнью“, приказывалъ, запрещалъ, а французы, яко-бы, пораженные“ нравственной силой невинно-осужденнаго“, ему „безпрекословно повиновались“.

Вѣдь не послушались-же Павла Ивановича, когда онъ требовалъ отъ полковника Костенецкаго, чтобы скорѣе вели его на мѣсто казни!...

Съ другой стороны, и по наивному рассказу Мурзакевичей, какъ будто бы выходятъ, что на мѣстѣ казни Энгельгардтъ командовалъ, распоряжался и т. п. Но вѣдь снова нельзя-же забывать, что оба—и отецъ, и сынъ—французскаго языка не понимали, а потому и то, что говорилъ французамъ приговоренный къ казни, для нихъ являлось загадкой. Кто-либо другой,

изъ присутствовавшихъ при казни, быть можетъ позднѣе, могъ перевести имъ приблизительно слова Энгельгардта. Конечно, возможно, что кое-что, при подобномъ незнаніи иностраннаго языка, изъ происходившаго на ихъ глазахъ, могло получить совсѣмъ другое освѣщеніе. Могла сыграть тутъ роль и народная легенда, приписавшая разстрѣлянному слова, которыхъ онъ, на самомъ дѣлѣ, не произносилъ.

Вѣрнѣе-же всего слѣдуетъ предположить, что французы (какъ это и видно по разсказу Мурзакевичей) дѣйствительно торопились покончить скорѣе съ разстрѣливаемымъ, а, въ виду этого, и не противились, напримѣръ, тому, что приговоренный не хотѣлъ, чтобы ему завязывали глаза.

Если г. Н. Энгельгардтъ позволяетъ своему воображенію дополнять показанія очевидцевъ, то почему-же и мы не въ правѣ допустить, что французы-солдаты, ежедневно разстрѣливавшіе десятки такихъ-же плѣнныхъ, умиравшихъ, быть можетъ, не менѣе геройски, привыкшіе, поэтому, къ разнаго рода кровавымъ сценамъ, да, къ тому-же, и не знавшіе, что передъ ними „невинно-осужденный“ челоѣкъ, заслуживавшій нѣкотораго вниманія, а лишь исполнявшіе приказъ начальства, торопились поскорѣе выполнить свой служебный, неприятный нарядъ, а потому и не спорили съ плѣннымъ русскимъ: „А, ну его! Что съ нимъ спорить?!.. Прикончить-бы поскорѣе, да и зарыть“.

Для Мурзакевичей, знавшихъ Энгельгардта, а также тѣ обстоятельства, при которыхъ тотъ былъ приговоренъ къ казни, Павелъ Ивановичъ былъ герой; для французскихъ-же солдатъ—врагъ, наказываемый по закону,—быть можетъ, лишь чудакъ, да притомъ и „на веселѣ“.

Многое еще можно было-бы сказать по поводу той части статьи „Давніе эпизоды“, которая касается самой казни П. И. Энгельгардта, вызывая подчеркнутыя нами и другія сомнѣнія. Но цѣль наша—не ловить автора въ грубыхъ противорѣчіяхъ, а, по возможности, снять тѣ неосторожныя наслоенія, которыя положены имъ на всѣмъ извѣстную картину прошлаго.

Г. Н. Энгельгардтъ, приступая къ разбору этого эпизода, говоритъ, что хотя смерть его предка и популярна въ Россіи, но что „самая исторія суда и осужденія его совершенно не разработана“, добавляя: „постараемся въ этомъ разобраться“. Затѣмъ, онъ принимаетъ очевидно на себя роль лица, которое, будто-бы, разъ навсегда, въ качествѣ родственника погибшаго, точно и ясно установить всѣ обстоятельства, какъ самой казни, такъ и того, что ей предшествовало, принимая, въ то-же время, на себя роль прокурора по отношенію къ свящ. Іоанну Мурзакевичу, Писареву, Орловскому и роль защитника—въ отношеніи всего, что такъ или иначе возвеличиваетъ казненнаго героя.

Вотъ именно это-то пристрастіе, это желаніе во что-бы то ни стало сдѣлать изъ П. И. Энгельгардта какого-то „рыцаря

безъ страха и упрека“, подвигъ котораго равенъ славнымъ дѣяніямъ героевъ древности, и повели лишь къ тому, что послѣ слѣдствія и суда, произведенныхъ публично, печатно г. Н. Энгельгардтомъ, все происшествіе не только окуталось еще болѣшимъ туманомъ недоразумѣній, противорѣчій, недомолвокъ, но, что еще печальнѣе, нежелательнѣе, сама личность казненнаго П. И. Энгельгардта, въ виду настоящей полемики, которую не могли не вызвать приемы борьбы, употребляемые авторомъ статьи „Давніе эпизоды“, безъ сомнѣнія утрачиваетъ много симпатичнаго изъ того, что окружало ее до сихъ поръ, въ ореолѣ преданій, до которыхъ деликатно не прикасался „историко-критическій анализъ“ послѣдующихъ поколѣній.

И въ этомъ смыслѣ г. Энгельгардтъ-потомокъ, надо признаться, оказалъ „медвѣжьёу услугу“ Энгельгардту—предку или однофамильцу.

Особенно такой выводъ станетъ очевиднымъ, когда коснемся обстоятельствъ, предшествовавшихъ казни П. И. Энгельгардта и приведшихъ его къ разстрѣлу, опять-таки, слѣдуя за ходомъ анализа событій и документовъ, совершаемаго авторомъ „Давнихъ эпизодовъ“.

Тутъ г. Энгельгардтъ употребляетъ одинъ и тотъ-же приемъ, который мы у него уже встрѣтили, называя клеветой, инсинуаціей повтореніе Писаревымъ, а за нимъ П. И. Орловскимъ, свидѣтельства свящ. Іоанна Мурзакевича, изложеннаго въ его воспоминаніяхъ.

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ, авторъ прибѣгаетъ и къ новому, хотя давно уже избитому, крайне слабому, непохвальному, приему литературной полемики, приводя выписку изъ воспоминаній о Іоанна и наспиговавъ ее многочисленными знаками вопросовъ, точно такая татуировка печатнаго подлинника можетъ что либо доказать или опровергнуть.

Также неудачна и самая его критика показаній этого очевидца.

А чтобы не быть голословнымъ, приступимъ къ разбору этой части статьи „Давніе эпизоды“, не повѣривъ и тутъ на слово автору, въ его смѣломъ заявленіи, будто-бы „первое прикосновеніе историко-критическаго анализа избличаетъ выдуманый, сплетническій и вздорный источникъ этого разсказа“, (т. е. повѣствованія свящ. Іоанна Мурзакевича, повтореннаго Писаревымъ и Орловскимъ).

Напримѣръ, г. Энгельгардтъ, почему-то, считаетъ вздорнымъ, выдуманымъ заявленіе о Іоанна о томъ, что посреди ужасовъ войны, въ октябрѣ 1812 года, П. И. Энгельгардтъ, якобы, продолжалъ вести свое сельское хозяйство, требовалъ крестьянъ на барщину, точно въ мирное время, призываетъ для экзекуціи этихъ крестьянъ сосѣднихъ казаковъ и т. п.

Начать съ того, что занятія сельскимъ хозяйствомъ, конечно,

надо понимать не въ смыслѣ веденія какого-либо правильнаго, образцоваго хозяйства нашихъ дней, а какъ продолженіе того деревенскаго, незамысловатаго, первобытнаго обихода, который, при крѣпостномъ правѣ, давалъ порой единственныя средства для жизни, пропитанія, мелкопомѣстнымъ, небогатымъ дворянамъ, въ родѣ П. И. Энгельгардта, и ихъ дворнѣ.

Многочисленные мемуары очевидцевъ, описывающихъ положеніе Смоленской губерніи, да и другихъ мѣстностей Россіи, въ 1812 году, за время, когда періодъ крупныхъ сраженій и военныхъ дѣйствій прошелъ, а въ занятыхъ французами предѣлахъ, по сосѣдству другъ съ другомъ, хозяйничали двое—и французы, и русскіе, казаки съ партизанами, тревожившіе покой французовъ въ занятыхъ ими мѣстностяхъ, даютъ намъ доказательства того, что зачастую разбѣжавшіеся, было, крестьяне возвращались въ эту эпоху къ помѣщикамъ, тоже вернувшимся поневолѣ въ помѣстья, какъ къ главному источнику своего существованія, а появленіе казаковъ въ русскихъ помѣстьяхъ было совершенно обыкновеннымъ явленіемъ.

Впрочемъ, по обыкновенію своему, самъ себѣ на каждомъ шагу противорѣчащій, г. Н. Энгельгардтъ и тутъ забываетъ, что въ другомъ мѣстѣ своей-же статьи, нѣсколько ранѣе, онъ привелъ уже выписку изъ труда Богдановича „Исторія Отечественной войны“—автора, которому онъ безусловно вѣритъ и который, коснувшись партизанскаго періода компаніи, въ періодъ непріятельскаго нашествія, пишетъ буквально слѣдующее:

„Полковникъ Энгельгардтъ, во время нашествія французовъ, оставшись въ своей Порѣчской деревнѣ, способствовалъ казакамъ истреблять непріятелей, появлявшихся въ сосѣдствѣ его и старался содержать въ порядкѣ и повиновеніи своихъ крестьянъ“. Тоже мы видимъ и въ донесеніи сенатора Каверина гр. Аракчееву отъ 19 іюля 1813 г. за № 1925 и въ другихъ документахъ нынѣ опубликованной переписки о назначеніи пенсій родственникамъ П. И. Энгельгардта.

Значить, сношенія Павла Ивановича съ казаками установлены официальными данными.

Изъ того-же „Богдановича“ видно, что не одинъ П. И. Энгельгардтъ, въ то время, жилъ и распоряжался въ своей деревнѣ, но и разстрѣлянный впоследствии коллежскій ассесоръ Шубинъ, имя котораго красуется на одномъ и томъ-же памятникѣ, рядомъ съ именемъ этого Энгельгардта.

Авторъ статьи, кромѣ ссылки на Богдановича, приводитъ еще и общее описаніе, сдѣланное Михайловскимъ-Данилевскимъ, состоянія Смоленской губерніи по занятіи послѣдней французами, изъ котораго тоже видно, что многіе помѣщики и крестьяне ихъ, оставаясь на своихъ насиженныхъ мѣстахъ, не признавали французской власти, а избивали непріятелей, не позволяли имъ собирать запасы продовольствія и проч.

Что-же, спрашивается, послѣ приводимыхъ справокъ изъ авторовъ, на которыхъ ссылается самъ-же г. Энгельгардтъ, невѣрнаго или неправдоподобнаго въ разсказѣ свящ. Іоанна Мурзакевича, который не только былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ описываемыхъ имъ событій, но и несомнѣнно пользовался свѣжими разсказами другихъ свидѣтелей-очевидцевъ, дополнившихъ то, что ему лично не удалось видѣть?...

Стоило, однако, Михайловскому-Данилевскому заявить, въ своемъ изслѣдованіи, что „непріятели старались схватить кого-либо изъ помѣщиковъ, начальствующихъ вооруженными поселянами и дворовыми людьми“, почему и „пали жертвою отставной подполковникъ Энгельгардтъ и коллежскій ассесоръ Шубинъ“, „защищавшіе отъ мародеровъ свои и сосѣднія имѣнія“, какъ г. Энгельгардтъ уже спѣшитъ обратить П. И. Энгельгардта въ начальника партизанскаго отряда, павшаго, яко-бы, жертвою за свои партизанскія дѣйствія во вредъ непріятелю.

Онъ говоритъ:

„Энгельгардтъ палъ жертвою мести французовъ партизанамъ и возставшему населенію. Энгельгардтъ защищалъ отъ мародеровъ свои и окрестныя имѣнія, т. е. несомнѣнно для сею составилъ вооруженный отрядъ, во главѣ коего и стоялъ, т. е. онъ тоже партизанъ, защищавшій свою родину, когда большинство помѣщиковъ бѣжало“...

Намъ нравится это „т. е. несомнѣнно“, такъ какъ изучавшимъ исторію Отечественной войны хорошо извѣстно, что помѣщики дѣйствовали зачастую и не составляя особыхъ вооруженныхъ, организованныхъ на подобіе войскъ, отрядовъ, не становясь во главѣ ихъ, а, такъ сказать, экспромтомъ нападали на французовъ въ случаѣ ихъ появленія по близости.

Мы говорили уже, въ своемъ мѣстѣ, какъ надо осторожно относиться къ официальнымъ документамъ, къ такимъ, официальнаго характера, трудамъ, какъ сочиненія Богдановича и Михайловскаго-Данилевскаго, подчеркнувъ также, что знакомы съ механизмомъ собиранія Смоленскими властями свѣдѣній для послѣдняго черезъ много лѣтъ по окончаніи Отечественной войны, равно какъ высказались и по поводу того, почему иногда приходится провѣрять официальные матеріалы, вызывающіе сомнѣніе, показаніями свидѣтелей-очевидцевъ, даже нерѣдко предпочитая послѣднія первымъ. Мы не будемъ распространяться на давно избитую тему о томъ, что историческую истину возможно найти лишь тогда, когда и свидѣтельства очевидцевъ, и официальные документы вполне совпадаютъ, какъ-бы дополняя другъ друга.

Въ разсматриваемомъ-же случаѣ, т. е. по отношенію къ описанію событій, повлекшихъ за собою арестъ П. И. Энгельгардта, мы не находимъ того противорѣчія, какое старается найти авторъ статьи „Давніе эпизоды“ между общими данными,

собранными въ сочиненіяхъ Богдановича и Михайловскаго-Данилевскаго, и разказами свящ. Іоанна Мурзакевича, повторенными Писаревымъ и Орловскимъ.

Вѣдь свящ. Іоаннъ Мурзакевичъ передаетъ тѣ подробности, которыя могли не попасть въ матеріалы, собиравшіеся полиціей по губерніи. Коснувшись исторіи съ Павломъ Ивановичемъ, онъ рассказываетъ лишь о томъ, какъ, чѣмъ былъ вызванъ доносъ крестьянъ, составлявшихъ собственность Энгельгардта, французскимъ властямъ, а также причину вызова казаковъ, подкинутіе изъ мести—французскихъ труповъ и проч.

Но понятно, что это несколько не исключаетъ ни партизанскихъ дѣйствій П. И. Энгельгардта, вредившихъ французамъ, ни желанія послѣднихъ примѣрнымъ наказаніемъ Энгельгардта и Шубина вообще парализовать ужасы и вредъ партизанской войны.

Напротивъ, только соединивъ и официальные данныя, и показаніе свящ. Іоанна Мурзакевича, мы, какъ не состоящіе въ родствѣ съ П. И. Энгельгардтомъ, не заинтересованные въ возведеніи его на особый пьедесталъ передъ потомствомъ, а жаждущіе, вслѣдъ за Писаревымъ и Орловскимъ, установить лишь, по возможности, истину и дѣйствительную обстановку извѣстнаго факта, можемъ себѣ представить естественное и, въ то-же время, роковое развитіе событій прошлаго, приведшихъ нашего соотечественника и Смольянина къ казни...

Нельзя также забыть того, что говорить третій авторъ Исторіи Отечественной войны генералъ Шильдеръ, мнѣніе котораго приводитъ, съ вѣрой въ него, г. Энгельгардтъ.

У Шильдера-же, пользовавшагося не только официальными данными, собранными Богдановичемъ и Михайловскимъ-Данилевскимъ, но и мемуарами свидѣтелей-очевидцевъ, прямо сказано:

„Въ Смоленскѣ отставной подполковникъ Энгельгардтъ и коллежскій ассесоръ Шубинъ, защищавшіе свое имущество отъ грабителей, были осуждены французами на казнь“.

Такимъ образомъ, причиной мести французовъ П. И. Энгельгардту считаются не партизанскія дѣйствія его, т. е. не военныя вылазки съ какимъ-либо отрядомъ, далеко за предѣлы его владѣній, клонившіяся, такъ сказать, къ принципиальному избіенію враговъ, а защита отъ нападавшихъ враговъ—самозащита.

Не смотря, однако, на то, что при подобномъ освѣщеніи событій, генералъ Шильдеръ явно расходится съ Богдановичемъ и Михайловскимъ-Данилевскимъ, г. Н. Энгельгардтъ, какъ ни въ чемъ не бывало, заявляетъ:

„Видимъ, что историки Шильдеръ, Богдановичъ и Михайловскій-Данилевскій согласно повѣствуютъ о причинахъ казни... Смоленскаго героя“.

Хорошо, что, въ свою очередь, и мы умѣемъ не только читать то, что напечатано, но и понимать напечатанное, сравнивать и дѣлать выводы.

Желая подорвать довѣріе къ разсказу священника Іоанна Мурзакевича, г. Энгельгардтъ прибѣгаетъ подчасъ даже къ приемамъ, прямо наивнымъ.

Остановившись на подробности, что двое крѣпостныхъ Энгельгардта пошли въ Смоленскъ съ доносомъ на своего помѣщика къ французскимъ властямъ, онъ задаетъ, видимо, по мнѣнію его, убійственный для священника Іоанна Мурзакевича, Писарева и Орловскаго вопросъ:

„Любопытно, на какомъ языкѣ эти „двое“ объяснялись съ комендантомъ (французомъ) и какъ они узнали о существованіи французскихъ властей въ губерніи и сейчасъ-же ихъ признали?“

На это, за покойниковъ, Смоленскихъ писателей, мы отвѣтимъ г. Энгельгардту, что трудно было-бы кому-либо изъ русскихъ не знать о наличности французскихъ властей въ Смоленскѣ, при занятіи французами губерніи, особенно при тѣхъ обращеніяхъ, даже предписаніяхъ, этихъ властей къ помѣщикамъ и вообще къ населенію, о которыхъ говорятъ и Богдановичъ и Михайловскій-Данилевскій,—авторы, служащіе автору статьи основаніемъ для опроверженій. Между принесеніемъ крестьянами Энгельгардта доноса этимъ французскимъ властямъ (о чемъ повѣствуетъ свящ. Іоаннъ Мурзакевичъ) и „признаніемъ“ подобныхъ властей (что почудилось г. Энгельгардту), конечно, „дистанція огромнаго размѣра“. Что-же касается до „языка“, на которомъ крѣпостные доносчики объяснялись съ французами, то смѣемъ увѣрить автора, что, конечно, то не былъ тотъ салонный, французскій языкъ, на которомъ изъяснялся свободно П. И. Энгельгардтъ, а языкъ русскій. Въ то-же время легко понять, что, въ данномъ случаѣ, сношенія происходили черезъ переводчиковъ, хотя-бы черезъ тѣхъ-же поляковъ, помощью которыхъ, судя по дневнику его, пользовался и свящ. Никифоръ Мурзакевичъ.

Столь-же наивны опроверженія г. Энгельгардта, приводимыя имъ въ „Давнихъ эпизодахъ“ съ цѣлью опровергнуть, хотя-бы, жестокость обращенія П. И. Энгельгардта со своими крестьянами.

Мы видимъ, что Богдановичъ разсказываетъ о томъ, какъ помѣщики, не смотря на анархію, увлекающую крестьянъ-крѣпостныхъ, охваченныхъ надеждой на „волю“, „поддерживали благоустройство“ между крестьянами, а помѣщичьи начальники партизанскихъ дружинъ то-же дѣлали и въ отношеніи крестьянъ сосѣднихъ, т. е. чужихъ помѣщиковъ; что въ томъ-же духѣ дѣйствовали по отношенію къ своимъ дворовымъ и П. И. Энгельгардтъ.

Намъ, конечно, хорошо извѣстно, по даннымъ исторіи и мемуарамъ очевидцевъ, какова была распушенность, при обстоятельствахъ военнаго времени и занятія Смоленской губерніи французами, крестьянъ, равно какъ мы не хуже знаемъ и нравы тогдашней помѣщичьей среды, а также мѣры, способы укрощенія неповинующихся, распустившихся и т. п.

Г. Н. Энгельгардтъ, не приводя никакихъ данныхъ (если бы они у него имѣлись въ рукахъ, то онъ безъ сомнѣнія привелъ-бы ихъ), увѣряетъ, что казненный Павелъ Ивановичъ представлялъ, въ этомъ отношеніи, будто-бы, какое-то счастливое исключеніе изъ общихъ правилъ, какъ „просвѣщеннѣйшій чело-вѣкъ своего времени“, что онъ „никакъ не могъ“ „метить, пороть своихъ крестьянъ и такихъ отношеній къ своимъ крестьянамъ у него не могло быть уже потому“, что: а) „какъ держалъ онъ себя во время казни“, и б) „вообще никогда такихъ отношеній между всѣми Энгельгардтами, сколько ихъ ни было въ Смоленскихъ предѣлахъ, не существовало, и ни о какихъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью, ни о какихъ неудовольствіяхъ крестьянъ на эту фамилію никогда слышно не было“; в) П. И. Энгельгардтъ былъ „очень образованный“ (даже „просвѣщеннѣйшій“) „человѣкъ своего времени“ и т. д.

„Вотъ такъ доказательства!“, воскликнешь невольно.

Не говоря уже о той, явной неосторожности, съ какой г. Энгельгардтъ ручается въ прошломъ за всѣхъ, на протяженіи столѣтія и болѣе носившихъ его фамилію, едва-ли, однако, знакомъ онъ со всѣми дѣлами Смоленскаго губернатора и Смоленскаго губернскаго правленія, касающимися отношеній помѣщиковъ къ крѣпостнымъ, для того, чтобы утверждать, что крестьяне всегда и всѣми Энгельгардтами были довольны; что всѣ Энгельгардты были только благородные, безупречные рыцари...

Съ другой стороны, если онъ лично чего-либо о злоупотребленіи кѣмъ-либо изъ однофамильцевъ не слышалъ, то это еще, конечно, ничего не доказываетъ и не опровергаетъ.

Странно, что „порка“ крестьянъ, даже самая жестокая, въ тѣ времена явилась-бы злоупотребленіемъ помѣщичьей властью, тогда какъ это было безконтрольное право тогдашнихъ рабовладельцевъ-помѣщиковъ и подобныя явленія считались всеобщими, настолько заурядными, не бросавшими никакой тѣни на помѣщика, пустяками, что о нихъ даже не говорили. Пороли крестьянъ и „просвѣщеннѣйшіе люди своего времени“, прекрасно знавшіе французскій языкъ и дѣтство проведеніе въ аристократической обстановкѣ графскихъ и княжескихъ домовъ, не стыдятся, не скрывая этого, не нарушая тѣмъ авторитета своей просвѣщенности въ средѣ лицъ одинаковыхъ вкусовъ и взглядовъ...

Наконецъ, какъ можно доказывать, что если всѣ Энгельгардты были, даже въ тѣ наивно-жестокія, цинично патріархаль-

ныя времена крѣпостного права, исключеніями изъ общаго правила, чуть-ли не идеалами гуманности, то П. И. Энгельгардтъ не могъ быть между ними рѣзкимъ исключеніемъ!

Сейчасъ, напримѣръ, у меня, на столѣ, лежитъ письмо одного изъ почтенныхъ Смоленскихъ старожилловъ, лица, близко стоящаго къ смоленской старинѣ, до сихъ поръ кропотливо собирающаго всякаго рода преданія, сохранившіяся въ народѣ о дѣятеляхъ прошлаго, въ томъ числѣ и объ Энгельгардтахъ.

Этотъ господинъ, прочтя статью г. Энгельгардта, возмущенный, повидимому, не менѣе меня, травлей, учиненной авторомъ по отношенію къ свящ. Іоанну Мурзакевичу, Писареву и Орловскому, пишетъ мнѣ:

„Гласъ народа—гласъ Божій“... Въ Смоленскѣ, среди простаго народа, никто не знаетъ о запискахъ свящ. Іоанна Мурзакевича, а объ Энгельгардтѣ (Павлѣ Ивановичѣ) сохранилось преданіе, какъ о человѣкѣ жестокомъ и своевольномъ“.

Хорошо, гуманно, значить, было это обращеніе со своими крѣпостными П. И. Энгельгардта, если выдѣлилось на столько, среди всеобщей порки, петязаній, пытокъ крестьянъ того времени, среди всеобщаго произвола помѣщичьей власти, что и черезъ сто лѣтъ дошло до насъ въ воспоминаніяхъ народныхъ, подрывая тѣмъ вѣру въ преданія фамиліи...

Вотъ мы и пришли, затронувъ характеристику П. И. Энгельгардта, какъ человѣка и помѣщика, къ разсмотрѣнію причины главнаго негодованія г. Энгельгардта на свящ. Іоанна Мурзакевича, Писарева и Орловскаго.

Дѣло въ томъ, что г. Энгельгардту кажется, что предокъ его или однофамилецъ П. И. Энгельгардтъ—какой-то идеальнѣйшій образъ человѣческихъ добродѣтелей, образецъ христіанина, рыцарь безъ страха и упрека, „просвѣщеннѣйшій“ (въ другомъ мѣстѣ, по Энгельгардту—потому лишь „просвѣщенный“), образованный человѣкъ и т. п.

А такъ какъ упоминаемые писатели, будучи безпристрастны, пользуясь документами иного рода, ввели въ эпизодъ съ казнью Павла Ивановича нѣсколько бытовыхъ черточекъ, рисующихъ этого несомнѣннаго героя, за долго до казни и даже въ послѣднія минуты его жизни, далеко не нравственнымъ, гуманнымъ, передовымъ человѣкомъ, то въ нихъ, покойниковъ, и мечутся громы и молніи Энгельгардтовскаго негодованія... Вѣдь онъ считаетъ своего предка или однофамилца человѣкомъ даже „великой души“, а тутъ вдругъ какіе-то тамъ „исторіеграфы“, да еще „поповичи“, низводятъ его до степени зауряднаго, простаго смертнаго!!!...

Замѣтимъ, кстати, что г. Энгельгардтъ эпитетъ „великой души“ беретъ въ кавычки, думая, очевидно, что позаимствовалъ его изъ сочиненія генерала Богдановича „Исторія Отечественной войны“.

А генераль Богданович зоветъ тамъ П. И. Энгельгардта лишь „великодушнымъ“.

Нечего говорить, однако, что человекъ „великой души“ и „великодушный“ не одно и тоже: личность безнравственная, разбойникъ, развратникъ могутъ быть иногда, въ видѣ исключенія, въ известной обстановкѣ, великодушными. Но это еще не значитъ, что дѣши ихъ „велики“...

Хотя совершенно понятно, почему Богдановичъ приклеилъ къ Павлу Ивановичу ярлыкъ съ надписью „великодушный“...

Мы уже привели показаніе Смоленскаго старожила по поводу того, какъ воспоминаетъ народъ до сихъ поръ, въ преданіяхъ своихъ, о гуманности, добротѣ П. И. Энгельгардта...

Но не рисуешь-ли его, въ своихъ документахъ, далеко не съ симпатичной стороны, даже и жалѣющей его священникъ Никифоръ Мурзакевичъ, на котораго ссылается г. Энгельгардтъ-потомокъ, какъ на чистый источникъ разныхъ „пастырскихъ“ и человѣческихъ добродѣтелей, а, главное, какъ на правдиваго свидѣтеля—по отношенію къ П. И. Энгельгардту, когда хочетъ возвеличить подвигъ этого героя подчеркиваніемъ безукоризненности его человѣческой личности вообще?...

Посмотримъ, что-же говоритъ отецъ Никифоръ хотя-бы въ письмѣ ко вдовѣ Павла Ивановича о личности послѣдняго...

Изъ этого письма мы узнаемъ, что приговоренный къ казни Энгельгардтъ, когда 13-го объявили ему смертный приговоръ, исповѣдался и приобщился Св. Тайнъ, а 15-го, т. е. послѣ этого акта, подготовившаго его къ смерти, передъ тѣмъ, какъ идти на казнь, распиваетъ въ томъ-же храмѣ, гдѣ покончилъ всѣ земные счеты, съ врагомъ отечества,—полякомъ, водку.

Едва-ли поступилъ-бы такъ настоящій христіанинъ.

А вотъ еще показаніе отца Мурзакевича объ Энгельгардтѣ, уже какъ человекѣ.

„Между прочимъ“, пишетъ вдовѣ казненнаго о. Никифоръ: „съ сердечнымъ сожалѣніемъ сказалъ мнѣ, что онъ погрѣшилъ передъ вами и чрезъ то причинилъ въ вашей жизни великое разстройство, почему просилъ меня исходатайствовать у васъ отъ имени его христіанское прощеніе“... „Онъ и въ своемъ письмѣ къ матери просилъ ее попросить у васъ и у вашей матери прощеніе“.

Если мы примемъ во вниманіе, что, по преданію, сохранившемуся среди смолянъ, П. И. Энгельгардтъ вообще не отличался семейной нравственностью, что, поэтому, и жена его не могла жить съ нимъ, въ имѣніи, если примемъ во вниманіе, что вдова его лишь черезъ два мѣсяца, случайно, отъ посторонняго ей человекѣ, узнаетъ о смерти мужа, находившагося въ обстановкѣ военнаго времени, то намъ понятны тѣ „грѣхи“, которые разбили жизнь несчастной женщины и заставили готовящагося

къ смерти Павла Ивановича просить прощеніе не только у нея самой за „великое разстройство“ въ ея жизни, но даже у ея матери.

Богдановичъ, въ своемъ сочиненіи о 1812 годѣ, прямо говоритъ о томъ, что Энгельгардтъ погибъ по доносу и это совпадаетъ съ разказомъ свящ. Іоанна Мурзакевича о доносѣ на него, Энгельгардта, его-же крѣпостныхъ, что, въ свою очередь, говоритъ о томъ, что имѣлись-же, значить, причины, вѣроятно очень вѣскія, чтобы православные мужички обратились за защитой къ непріятелю отъ жестокостей ихъ барина-помѣщика.

Священникъ І. Мурзакевичъ, въ своихъ мемуарахъ, рисуетъ П. И. Энгельгардта, какъ человѣка жестокаго, безжалостно, съ помощью казацкихъ нагаекъ, приводившаго къ повиновенію своихъ крестьянъ.

Не особенно-то лестно характеризуетъ П. И. Энгельгардта и то мѣсто нынѣ-опубликованнаго его завѣщанія, гдѣ онъ, между прочимъ, передъ смертью, точно въ насмѣшку, даритъ духовнику своему, оказавшему ему столь великія, христіанскія услуги, священнику Никифору Мурзакевичу—*„находящихся въ бѣдахъ крѣпостныхъ своихъ—Максима Силина съ женою его Авдотьею и дѣтьми ихъ, Иваномъ и Александромъ, а также дѣвку Прасковью Андрееву“*, добавляя, чтобы тотъ *„владѣлъ ими вѣчно“*... Неприятное впечатлѣніе производитъ и то мѣсто письма П. И. Энгельгардта къ матери, гдѣ, за полъ-часа до смерти, онъ сообщаетъ ей имена четырехъ донесшихъ на него французамъ крѣпостныхъ, безъ сомнѣнія съ тѣмъ, чтобы навлечь на нихъ уголовную кару, вмѣсто того, чтобы, по долгу христіанина, простить ихъ и избавить отъ ужаснаго наказанія.

Но самое тяжелое впечатлѣніе, при томъ далеко не въ пользу разстрѣляннаго героя, какъ человѣка, оставляетъ дневникъ А. А. Лесли *), гдѣ читаемъ такое мѣсто:

„Дядя разказываетъ: „Сегодня (1865 г.) въ театрѣ представляютъ пьесу мѣстнаго интереса, какъ въ 12 году Энгельгардтъ, Смоленскій дворянинъ, велъ партизанскую войну, былъ пойманъ французами и разстрѣлянъ у Молоховскихъ воротъ... Про разстрѣляннаго Энгельгардта папа и дядя, знавшіе его, относятся очень дурно: былъ гуляка, пьяница и дурной человѣкъ. Пльнныхъ офицеровъ, нѣсколькихъ, живыхъ закопалъ, пока лишившійся жизни за подвиги для защиты Отечества, достоинъ стать исторической славой“.

Прочитавъ это мѣсто дневника, являющееся какъ-бы отголоскомъ мнѣнія всего Смоленскаго дворянства, современниковъ П. И. Энгельгардта, мы поняли, почему подписка среди мѣстныхъ дворянъ на памятникъ погибшему (какъ это видно изъ рапорта губ. предводитель Лесли сенатору Каверину отъ 4 іюля

*) „Смоленская Старина“, выпускъ 2-й, стр. 374-я.

1813 г. № 446) *) не имѣла успѣха, такъ какъ только одинъ Ельнинскій предводитель собралъ среди дворянства уѣзда жалкую сумму въ 205 р.; остальная-же губернія, въ томъ числѣ Порѣчскій уѣздъ, хорошо знавшій жизнь и личность казеннаго, не дали, въ память его, ни копѣйки.

Упомянутое въ дневникѣ Лесли о томъ, что П. И. Энгельгардтъ былъ „пьяница“, лишній разъ подтверждаетъ правдоподобность той тяжелой сцены передъ казнью, съ полк. Костенецкимъ, которую такъ наивно разсказывали потомству очевидцы событія, достойные священно-служители Мурзакевичи.

Не ясно-ли, послѣ всего сказаннаго, что весьма сомнительна красивая, поэтическая фамильная легенда о идиллическихъ отношеніяхъ, яко-бы, существовавшихъ между П. И. Энгельгардтомъ и его крѣпостными, если припомнимъ еще, что, по г. Н. Энгельгардту, эти-же счастливые, любящіе своего „просвѣщеннѣйшаго“, „великодушнаго“ барина, мужички явились, во французскомъ судѣ, главными свидѣтелями противъ него-же.....

Намъ тяжело подчеркивать эти отрицательныя стороны въ личности человѣка, искупившаго трагической смертью свои земныя ошибки и увлеченія; но, слѣдуя за г. Н. Энгельгардтомъ, мы не могли не коснуться и этого большого вопроса, тѣмъ болѣе, что съ нимъ связана репутація Писарева, Орловскаго.

Конечно—повторимъ еще разъ—самый фактъ геройства Павла Ивановича въ послѣднія минуты нисколько не теряетъ своего значенія отъ того, что казенный былъ обыкновенный человѣкъ съ присущими всѣмъ намъ, грѣшнымъ, слабостями, что остаются подъ сильнымъ сомнѣніемъ и предсмертныя слова его, и фактъ предварительнаго прострѣла ноги покойному, и кое-что другое...

На этомъ мѣстѣ нашего возраженія мы могли-бы, съ облегченнымъ сердцемъ, поставить точку и разстаться навсегда съ авторомъ болѣе чѣмъ неосторожной статьи „Давніе эпизоды“.

Но, въ качествѣ природнаго Смоленщина, которому не менѣе г. Н. Энгельгардта дороги историческія воспоминанія и истина, я не въ правѣ, молча, „положивъ на уста персть изумленія“ (какъ выражается авторъ статьи), не отвѣтить на тѣ главные вопросы, уже по адресу Смоленянъ, которыми изобилуетъ разбираемое изслѣдованіе.

„Рядъ вопросовъ возникаетъ“, говоритъ г. Энгельгардтъ и начинаетъ ихъ, болѣе чѣмъ страннымъ, наивнымъ вопросомъ, обращеннымъ къ потомству:

„Гдѣ-же тѣло его“ (П. И. Энгельгардта)? Это послѣ ста-то лѣтъ, какъ прахъ казеннаго покоился въ землѣ!...

Но чего-чего не наговорилъ г. Энгельгардтъ, хотя-бы, по

*) „Смоленская Старина“, выпускъ 2-й, стр. 89.

отношенію къ этому тѣлу, желая сгустить краски и усилить ужасъ, окружающій казнь героя!..

Послушайте-ка...

Священникъ Никифоръ Мурзакевичъ устанавливаетъ ясно, что тѣло П. И. Энгельгардта „вбросили въ три четверти выкопанную яму“.

Но, посмотрите, какія варіаціи на этой, хотя и неглубокой, но все-же „ямѣ“, разыгрываетъ авторъ статьи!

Подъ его легкимъ, вдохновеннымъ родственными чувствами, перомъ (стр. 909), выходитъ, что, будто-бы, свящ. Мурзакевичъ заявилъ о неглубокой „ямкѣ“; при чемъ дѣлается поясненіе, что это значить, что оно, тѣло, „лежало, собственно, на виду“.

Въ другомъ мѣстѣ той-же страницы у него тѣло лежало въ „ямкѣ“, „чуть прикрытое“.

На стр. 910-й оно уже „валялось почти открытое“ и т. д.

Но и всего этого, для усиленія эффекта показалось автору мало.

По увѣренію г. Н. Энгельгардта, тѣло Павла Ивановича могли исклѣвать „тучи воронья, изъ окрестныхъ лѣсовъ слетѣвшіяся тогда въ Смоленскъ на тризну и оглодать стаи голодныхъ псовъ изъ выжженныхъ деревень, бродившіе тогда и питавшіеся мертвечиной“.

Точно воронамъ и псамъ безъ того нечего было ѣсть внѣ Смоленска, въ окрестностяхъ, заваленныхъ всякаго рода отбросами, падалью и тѣлами!

Какъ ни какъ, а тѣло казеннаго было закопано въ „яму“, глубиной въ $\frac{1}{4}$.

Но г. Н. Энгельгардту уже мерещится, что трупъ могли вырыть, сжечь, спустить въ Днѣпръ—свои-же, русскіе, при обратномъ занятіи Смоленска ими 5 ноября...

Какъ все это правдоподобно!..

По привычкѣ—обвинять въ невнимательномъ отношеніи къ праху героя, къ его памяти, всѣхъ, кромѣ представителей фамиліи Энгельгардтъ, г. Н. Энгельгардтъ и тутъ, не приводя никакихъ доказательствъ, вообразивъ себѣ, что тѣло мученика лежало почти на виду, винить и гражданъ города Смоленска, и мѣстное духовенство, и знакомыхъ П. И. Энгельгардта за то, что они не зарыли тѣла глубже, не охранили его, какъ-либо, отмѣтивъ мѣсто, гдѣ оно лежало, точно у него есть какія-либо данныя, чтобы утверждать, что ничего этого своевременно сдѣлано не было, точно священникъ Мурзакевичъ, присутствовавшій при казни, ничего въ этомъ направленіи не предпринялъ: создавъ самъ себѣ новый призракъ около могилы казеннаго, г. Н. Энгельгардтъ съ нимъ и ведетъ борьбу на страницахъ своей статьи. Онъ ставитъ упрекъ свящ. Мурзакевичу и въ томъ, что тотъ, въ письмѣ ко вдовѣ убитаго, ничего не говоритъ о мѣ-

рахъ, принятыхъ къ охранѣ тѣла. Точно это умолчаніе не указывается, уже, само по себѣ, на то, что мѣры были приняты, мѣсто извѣстно, быть можетъ, и насыпь на могилѣ увеличена...

И снова нельзя не отмѣтить, что г. Н. Энгельгардтъ, перечисливъ всѣхъ, кто долженъ былъ интересоваться судьбою тѣла (власти, духовенство, знакомые Павла Ивановича), забываетъ только упомянуть объ его родныхъ и однофамильцахъ...

Удивительное безпристрастіе!.. Поразительная забывчивость!...

А что-же, въ самомъ дѣлѣ, совершили, въ этомъ направленіи, родные Павла Ивановича?!

Но, къ сожалѣнію, мы видимъ, что у автора всѣ Энгельгардты—чуть не верхъ человѣческихъ добродѣтелей!.. Какъ же упрекнуть ихъ въ чемъ-либо некрасивомъ?!

Г. Н. Энгельгардтъ приводитъ преданіе, (откуда оно идетъ?) что вдова казненнаго, будто-бы, взяла тѣло его изъ рва за Молоховскими воротами, отвезла въ Духовщину и гдѣ-то погребла на кладбищѣ села, близъ имѣнія мужа.

„Но гдѣ?“ спрашиваетъ онъ.

Не говоря уже о томъ, что подобная легенда (а легендамъ г. Энгельгардтъ такъ легко вѣрить) вконецъ уничтожаетъ предположенія о псахъ, воронахъ, трупосожженіи, выбрасываніи тѣла въ Двѣпръ и т. п. ужасахъ, что стоило-бы автору статьи произвести въ этомъ направленіи, много лѣтъ тому назадъ, когда, быть можетъ, нашлись-бы и свидѣтели, и свѣжія преданія, разслѣдованіе, хотя-бы справками по духовному вѣдомству въ Смоленскѣ, въ церквахъ, находящихся недалеко отъ бывшаго сельца Дигилева?..

Или эту грязную работу онъ предоставляетъ на долю будущихъ исторіеграфовъ г. Смоленска изъ „іерейскихъ сыновей“?!

Для меня, однако, несомнѣнно, что подобное семейное преданіе—о перевозкѣ тѣла—идетъ въ разрѣзъ со всѣми, имѣющимися данными, говорящими за то, что прахъ героя былъ сохраненъ и не подвергся разнымъ случайностямъ военного времени... Оно едва-ли вытекаетъ и изъ отношеній, существовавшихъ между П. И. Энгельгардтомъ и его супругою...

Тогда, къ чему-же было его приводить въ статьѣ? Неужели для того лишь, чтобы еще болѣе сгустить туманъ, до сихъ поръ лежащій надъ мѣстомъ вѣчнаго упокоенія несчастнаго Павла Ивановича?!

Кстати о „тѣлѣ“...

По разсказу г. Н. Энгельгардта выходитъ, что такъ небрежно закопали трупъ героя, выкопавъ лишь „ямку“, плохо зарывъ могилу, французы, яко-бы, торопившіеся съ казнью...

Изъ письма-же свящ. Никифора Мурзакевича къ вдовѣ казненнаго видно, что закапываніе трупа продѣлали свои, рус-

скіе, которыхъ Рогоулинъ досталъ, чтобы выкопать могилу. Французы-же „вбросили“ трупъ въ могилу, предварительно раздѣвъ его до нага и взявъ себѣ вещи казненнаго.

Надо замѣтить, что несомнѣнная торопливость французовъ съ приведеніемъ въ исполненіи смертнаго надъ Энгельгардтомъ приговора бросаетъ нѣкоторую тѣнь сомнѣнія даже на ту часть легенды о смерти героя, гдѣ говорится о склоненіи его французами къ переходу на ихъ службу и проч.

И, въ самомъ дѣлѣ, подумаешь, великая была для нихъ находка второстепенный помѣщикъ не первой молодости, пьяница и гуляка, истребившій не мало французскихъ воиновъ?!..

Затѣмъ г. Энгельгардтъ старается доказать, что памятникъ, воздвигнутый по Высочайшему повелѣнію, стоитъ не на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ разстрѣлянъ и погребенъ Павелъ Ивановичъ.

Не будемъ упрямо слѣдовать тутъ за авторомъ, въ его доказательствахъ, чтобы лишній разъ не нагромоздить кучу новыхъ возраженій на его попытки опровергнуть ясныя, безспорные факты. А факты эти заключаются въ томъ, что вдова казненнаго, несомнѣнно на самомъ мѣстѣ его казни, вскорѣ, поставила небольшой, но все-же приличный, каменный, памятникъ, который былъ, затѣмъ, замѣненъ, конечно, на томъ-же самомъ мѣстѣ, казеннымъ монументомъ.

Такъ смотрятъ на вопросъ и всѣ извѣстные намъ историки, касавшіеся, въ связи со смертью П. И. Энгельгардта, этого вопроса.

Напримѣръ, у Михайловскаго-Данилевскаго, въ его „Описаніи Отечественной войны“, ясно сказано:

„Императоръ Николай Павловичъ соорудилъ Энгельгардту памятникъ *на самомъ мѣстѣ мученической его смерти*“.

А г. Н. Энгельгардтъ не отрицаетъ, что героя похоронили тамъ, гдѣ разстрѣляли..

Ив. Ив. Орловскій („Русская Старина“ 1903 г., май, статья о свящ. Никифорѣ Мурзакевичѣ) пишетъ:

„Женою покойнаго, *на мѣстѣ его кончины*, былъ поставленъ небольшой каменный памятникъ, который, по повелѣнію императора Николая I-го, замѣненъ массивнымъ, чугуннымъ. Въ 1885 году валь, прикрывавшій ровъ, былъ срытъ, мѣстность спланирована *и памятникъ былъ приподнятъ надъ могилою* и теперь стоитъ не во рву, а на площадкѣ“.

Кажется, ясно, какъ ясно и то, что памятникъ безъ креста показываетъ, что хотя онъ и стоитъ надъ прахомъ казненнаго, но не является надгробнымъ сооруженіемъ, а лишь воздвигнуть въ память геройскаго поступка Смолянина—въ назиданіе остальнымъ русскимъ гражданамъ...

Приведу отрывокъ изъ письма, полученнаго мною на дняхъ, изъ Смоленска, отъ завѣдывающаго Смоленскимъ город-

скимъ музеемъ В. И. Грачева, принадлежащаго къ изслѣдователямъ Смоленскаго прошлаго.

В. И. Грачевъ пишетъ мнѣ, по поводу сомнѣній, возникающихъ у г. Н. Энгельгардта,—слѣдующее:

„Вотъ все, что мнѣ извѣстно по этому дѣлу, что я слышалъ отъ своихъ стариковъ и родныхъ Смолянъ. (Да и самъ я родился въ Смоленскѣ, живу здѣсь и собираю все, что касается родного города). Памятникъ Энгельгардта несомнѣнно стоитъ на мѣстѣ его вѣчнаго упокоенія. Какъ-бы то ни было, но могила его была засыпана, а затѣмъ, покрылась на зиму толстымъ слоемъ снѣга. Вдова покойнаго, не зная мѣста могилы, несомнѣнно обратилась за указаніями къ очевидцамъ послѣднихъ минутъ жизни ея мужа и поставила памятникъ на его могилѣ (иначе и быть не могло), каковой памятникъ, хотя и въ ветхомъ состояніи, но сохранился до постановки теперь существующаго, о чемъ свидѣлствуютъ историкъ г. Смоленска Никитинъ (см. „Исторію Смоленска“ Никитина, стр. 299) и рассказы старожиловъ. Объ этомъ я слышалъ и отъ своей бабушки, урожденной Краснопольской, умершей 22 года тому назадъ, когда, по ея словамъ, совершались родственниками почившаго, на могилѣ его, панихиды. Да и самыя, собираемая администраціей, свѣдѣнія не могли обойти молчаніемъ мѣсто упокоенія Энгельгардта. Въ 1885 году я былъ лично очевидцемъ засыпки рва: мѣстоположеніе памятника осталось прежнее; только его значительно приподняли“ ..

Заявленіемъ г. Грачева поднятый авторомъ „Давнихъ эпизодовъ“ вопросъ о мѣстѣ погребенія П. И. Энгельгардта, какъ мнѣ кажется, исчерпывается совершенно.

Не будучи, однако, въ состояніи разстаться съ возмущающимъ душу его правительственнымъ монументомъ, (главнымъ образомъ, воздвигнутымъ не на приношенія однофамильцевъ казеннаго, а на казенныя средства), авторъ статьи „Давніе эпизоды“, видя въ надписяхъ на памятникѣ, особенно по отношенію къ Шубину, недостатки, увѣренъ, что русскія власти, во время постановки памятника, были и „безграмотны“, и не умѣли даже поставить „знаки препинанія въ короткой надписи, какъ не знали имени и отчества коллежскаго совѣтника Шубина, и котораго именно числа совершилась мученическая кончина героевъ“...

Это въ 1832-мъ году, при условіяхъ, что памятникъ воздвигался обоимъ героямъ по Высочайшему повелѣнію, на основаніи официальныхъ данныхъ, послѣ собранія необходимыхъ свѣдѣній!..

Что вы, г. Энгельгардтъ! Да развѣ нельзя объяснить подобный деффектъ иными причинами, хотя-бы ошибкой, промахомъ мастеровъ, дѣлавшихъ монументъ?!

Прочтите подробности о Шубинѣ, въ официальной о немъ

перепискѣ опубликованной нынѣ во 2-мъ выпускѣ „Смоленской Старины“ (1812 г.)!..

Но, запутавшійся въ собственныхъ своихъ разсужденіяхъ относительно смерти П. И. Энгельгардта, г. Н. Энгельгардтъ, все-таки не прійдя къ опредѣленному выводу, бросаетъ слѣдующее обвиненіе гражданамъ родного ему города:

„И, кажется, Смолянамъ и живущимъ еще родственникамъ героя должно было-бы произвести въ этомъ направленіи тщательное разслѣдованіе“.

Но вѣдь самъ-же г. Н. Энгельгардтъ одновременно и родственникъ казеннаго, и Смолянинъ, и даже имѣетъ въ Смоленскѣ недвижимую собственность, и постоянно прѣзжаетъ въ городъ, при томъ уже много лѣтъ подъ рядъ.

Почему-же самъ-то онъ, до сихъ поръ, не произвелъ этого необходимаго, по мнѣнію его, разслѣдованія?

Вотъ дѣйствительно благородная задача для потомка вмѣсто праздныхъ пререканій со Смоленскими „исторіеграфами“, при томъ покойными, немогущими защищаться и дать должную отвѣдь...

А родственники несчастнаго страдальца-героя Павла Ивановича...

Прошло около ста лѣтъ со дня его мученической кончины. Смоленскъ, Смоленская губернія, въ продолженіи всего этого времени (да и теперь), непрерывно имѣли въ своихъ предѣлахъ многочисленныхъ представителей древней, благородной фамиліи „Энгельгардтъ“, а, значить, родственниковъ Павла Ивановича...

Но, въ концѣ-концовъ, нынѣ живущему благополучно автору статьи „Давніе эпизоды“, для того, чтобы сказать что-либо о своемъ казенномъ предкѣ или однофамильцѣ, кромѣ сухихъ, общихъ, официальныхъ данныхъ, пришлось прибѣгнуть къ трудамъ не Энгельгардтовъ, а скромныхъ „поповичей“, „іерейскихъ сыновей“— Мурзакевичей, Писарева, Орловскаго, и къ фамильнымъ легендамъ, весьма сомнительнаго, неправдоподобнаго характера...

Это-ли не знаменіе времени!?

Не глубокой-ли, затѣмъ, трагизмъ потомка Павла Ивановича, въ благодарность за труды упоминаемыхъ лицъ по сохраненію кое-какихъ свѣдѣній объ его славномъ предкѣ, бросающаго на могилу усопшихъ труженниковъ провинціи обвиненія въ „гаденкой инсинуаціи“, въ клеветѣ и т. п.?!..

„Да и памятникъ“, продолжаетъ свою пристрастную обвинительную рѣчь г. Энгельгардтъ, „пора-бы привести сколько-нибудь въ приличный видъ. „Арю... оте.. ествъ“... „Вѣдь зазорно“. (Говорится о вывалившихся или украденныхъ металлическихъ буквахъ надписи).

Да „азорно“, г. Н. Энгельгардтъ, даже очень и очень зазор-

но... Но, спрашивается, что-же сдѣлали вы лично, а также другіе, жившіе и живущіе въ Смоленскѣ непрерывно, Энгельгардты, для того, чтобы устранить дѣйствительное безобразіе, вставить, хотя-бы, недостающія буквы, обнести монументъ приличной рѣшеткою?!. Вѣдь это все не Богъ вѣсть сколько и стоитъ...

Вамъ повезло на встрѣчу у памятника съ какими-то молодыми мужиками „въ сапогахъ“. Вы даже, не смотря на охватывавшія васъ чувства возмущенія и гнѣва, успѣли прочесть заглавіе бывшихъ въ рукахъ у нихъ, этихъ темныхъ людей, книжекъ, и спокойно, безъ протеста, выслушали ихъ плоскіе „каламбурь“ по поводу надписи на памятникѣ вашего предка, въ которой недостаетъ нѣсколько буквъ...

Если эта встрѣча не плодъ вашей фантазіи, то неужели вы не почувствовали, въ глубинѣ вашей собственной совѣсти, что подобное поведеніе полу-грамотныхъ мужиковъ у праха вашего предка-мученика, прежде всего было упрекомъ, оскорбленіемъ, нанесеннымъ вамъ лично случайными представителями русскаго народа!? А вы еще объ этомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, рассказываете русскому, интеллигентному обществу...

Неужели вамъ не пришло въ голову, что не кроется-ли здѣсь, въ подобномъ отношеніи къ памяти П. И. Энгельгардта, отзвуковъ тѣхъ преданій, которые, быть можетъ, живы еще въ простомъ народѣ, среди потомковъ бывшихъ крѣпостныхъ Павла Ивановича, объ его жестокомъ обращеніи съ ихъ предками, объ его непохвальной, безнравственной, семейной, помѣщичьей жизни!...

Въ разныхъ мѣстахъ статьи своей, вы пишете: „Гдѣ проектъ памятника? Гдѣ все дѣло?“...

А вы нашли ихъ, г. Энгельгардтъ? Вы ихъ искали?

Вся ваша статья производитъ впечатлѣніе, что вы, сравнительно лишь недавно, и то случайно, попавъ съ вашимъ знакомымъ къ памятнику, убѣдились въ недостаткѣ буквъ на надписи послѣдняго, въ преступной его заброшенности и т. п..

Но могу васъ увѣрить, что буквы отсутствовали давно, и много лѣтъ тому назадъ мы съ И. И. Орловскимъ, посѣщая памятникъ Павла Ивановича, нанимали рабочихъ, чтобы убирать подкинутыхъ къ нему, видимо съ умысломъ, дохлыхъ кошекъ и собакъ, писали, протестовали, хлопотали о принятіи мѣръ къ устраненію подобнаго, кощунственнаго безобразія.

Не были-ли, однако, подобныя выходки снова местию простаго народа П. И. Энгельгардту за его отношеніе къ предкамъ этого народа, крѣпостнымъ? Вѣдь, кромѣ фамильныхъ, живутъ и народныя легенды.

Описавъ заброшенность могилы героя, точно увидѣвъ въпервыя признаки этого забвенія, вы восклицаете патетически:

„Такъ въ Смоленскѣ благодарное потомство чтить героевъ прошлаго!..“

Вамъ, видимо, въ голову не приходитъ, что подобнымъ признаніемъ вы, прежде всего, бросаете упрекъ самому себѣ...

И какой еще упрекъ!...

Сами, обвиняя И. И. Орловскаго за то, что тотъ, яко-бы, всячески обѣля доказаннаго „измѣнника“, свящ. Никифора Муракевича, нарочно сгущаетъ краски—въ ущербъ геройской репутаціи П. И. Энгельгардта, вы, какъ авторъ статьи, однако, сами черните покойнаго Орловскаго, раздувая репутацію своего предка (или однофамильца)...

„Мы видимъ“, говорите вы (о мѣстѣ казни П. И. Энгельгардта, его погребеніи и проч.): „что спустя столѣтіе вопросъ остается весьма темнымъ и собрать точныя свѣдѣнія, поинтересоваться героемъ, принявшимъ мученическую кончину подъ стѣнами роднаго города, никого за сто лѣтъ не нашлось! Мы лѣнивы и нелюбопытны“.

Снова, по вашему, въ небреженіи къ памяти героя, виноваты другіе...

Но, спрашивается, много-ли любопытства (не празднаго, конечно, не ведущаго къ бесплодной, нежелательной, печатной полемикѣ, а клонящагося къ благимъ, осязательнымъ результатамъ) проявили, въ данномъ вопросѣ, лично вы и многочисленные ваши родственники и однофамильцы Смоленской губерніи?!...

Неужели думаете вы, что вашей статьёй „Давніе эпизоды“ вы что-либо внесли, разъяснили, исправили, доказали, снявъ, такимъ образомъ, съ однофамильцевъ и родныхъ Павла Ивановича тяжкій, справедливый упрекъ, который, прежде всего, и слѣдуетъ отнести именно къ нимъ,—упрекъ въ преступной лѣни и отсуствіи вниманія къ памяти героя, прославившаго и до сихъ поръ прославляющаго фамилію „Энгельгардтъ“?!...

Хорошо зная, какъ писатель, какъ Смолянинъ, о томъ, что сдѣлали, въ этомъ отношеніи, труженики, бытописатели Смоленска Писаревъ и Орловскій—въ смыслѣ пополненія подобнаго пробѣла, допущеннаго людьми, близкими къ мученику долга и патриоту, сами пользуясь, для статьи Вашей, историческими крохами, падающими со страницъ ихъ добросовѣстныхъ, кропотливыхъ изслѣдованій, Вы, тѣмъ не менѣе, вслѣдъ за упрекомъ кому-то въ „лѣни и отсуствіи любопытства“, бросаете этимъ-же труженикамъ Смоленска, самоотверженнымъ изслѣдователямъ родной вамъ старины, вполне порядочнымъ людямъ, память которыхъ чтится Смолянами, писателямъ, такъ много сдѣлавшимъ для исторіи Смоленска, для Родины, для фамиліи „Энгельгардтъ“, слѣдующую фразу:

„Смоленскіе-же исторіеграфы Писаревъ и Орловскій отнеслись со страннымъ легкомысліемъ къ памяти героя и, какъ

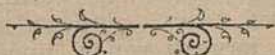
мы уже говорили, постарались замутить его образ легким налетомъ инсинуаціи, воспользовавшись для этого рассказомъ сына о Никифора Мурзакевича, тоже бывшаго протоіереемъ, Іоанна Никифоровича Мурзакевича“...

Какъ Смолянинъ, какъ Смоленскій дворянинъ и писатель, хорошо лично знавшій Писарева и Орловскаго, какъ другъ послѣдняго, имѣющій особое полномочіе отъ вдовы его—на составленіе настоящаго опроверженія, наконецъ, въ качествѣ лица, убѣжденнаго въ правотѣ разсказа покойнаго священника Іоанна, позволяю себѣ вернуть вамъ-же подобное и другія обвиненія, щедро разсѣянные въ вашей статьѣ.

Не къ нимъ, а къ вамъ, Милостивый Государь, по убѣжденію вдовы Ив. Ив. Орловскаго, должна быть отнесена та фраза, которую вы позволили себѣ бросить на могилу Писарева и Орловскаго, говоря, что они „проходя мимо подвига дворянина, не могли удержать тайнаго недоброжелательства, и съ ихъ перьевъ слилось нѣсколько грязныхъ капель, которыя, однако, кладутъ пятно не на свѣтлую, непомеркаемую, память героя, но на ихъ собственную литературную репутацію“.

А. Жиркевичъ.

Г. Вильна.
17 іюля 1913 г.

8000000332030 1

Того-же автора:

„Картинки дѣтства“. Поэма (254 стр.). Изд. 2-е, 1900 г. Цѣна—1 р. 25 к. (безъ пересылки).

„Разказы“. (535 стр.). Изд. 1900 г. Цѣна—2 р. (безъ пересылки).

„Друзьямъ“. (Сборникъ стихотвореній). 1899 г. Часть I-я (67 стр.). Цѣна—1 р. (Съ пересылкой—1 р. 20 к.).

„Друзьямъ“. (Сборникъ стихотвореній). Часть II-я (135 стр.). 1899 г. Цѣна—1 р. (Съ пересылкой—1 р. 20 к.).

Примѣч.: Все эти книги продаются въ книжномъ магазинѣ Калининна, въ гор. Смоленскѣ.

„Антокольскій и евреи“. (Брошюра) 1902 г. (97 стр.).

„Ив. Ив. Орловскій“. (Биографическій очеркъ, съ приложениями—двумя портретами и статьею). 1909 г. (205 стр.). Цѣна—1 р. (Съ пересылкой—1 р. 20 к.).

„Сонное царство великихъ начинаній“. (Къ столѣтнему юбилею дня рожденія Ив. П. Корнилова). 1911 г. (206 стр.). Цѣна—50 к. (безъ пересылки).

Примѣч.: Складъ этихъ изданій въ г. Вильнѣ, у автора.

„Изъ-за русскаго языка“. (Биографія каноника Сенчиковскаго). 1911 г. (Часть I-я—XXXIII+669 стр.; часть II-я—684 стр.). Съ тремя портретами и тремя алфавитными указателями. („Труды Минскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета. Выпускъ III“). Цѣна за обѣ части (безъ пересылки) 4 р.

Примѣч.: Складъ изданія—въ г. Минскѣ, при означенномъ Комитетѣ.

„Пасынки военной службы. (Матеріалы къ исторіи мѣсть заключенія военнаго вѣдомства въ Россіи)“. 1912 г. (503 стр.). Цѣна—1 р. 75 к. (безъ пересылки).

„Жизнь во Христѣ старца Зосимы, въ мѣрѣ Дм. Рашина. (Его биографія)“. 1913 г. (318 стр.). Цѣна—1 р. 25 к. (безъ пересылки).

„Архимандритъ Зосима (въ мѣрѣ Дмитрій Рашинъ) былъ не виновенъ..... (Исторія еще одной судебной ошибки)“. 1912 г. (211 стр.). Цѣна—1 р. 50 к. (безъ пересылки).

Настоящая книга, равно какъ и три предыдущія, продается въ г. Вильнѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Сыркина.

